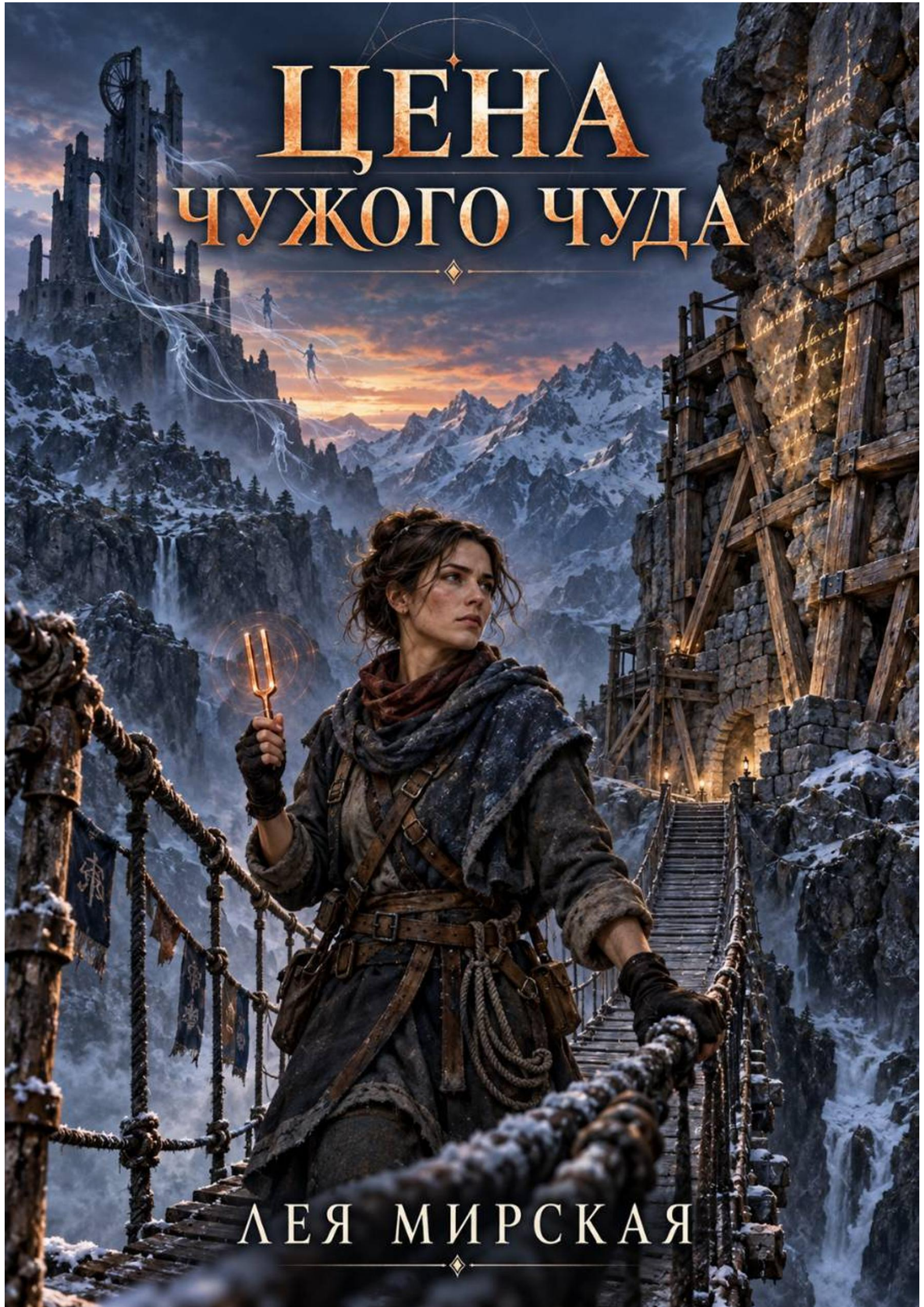

ЦЕНА ЧУЖОГО ЧУДА

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Цена чужого чуда

«Автор»

2026

Мирская Л.

Цена чужого чуда / Л. Мирская — «Автор», 2026

В горной цепи Арда слово способно остановить обвал — но за настоящее чудо кто-то отдаёт год своей памяти. Вета Орс зарабатывает тем, что разоблачает фальшивые обереги и защищает людей от обмана. Когда её младший брат перестаёт помнить их отца, она находит в цеховом знаке его скрытое имя. Расследование приводит Вету к общей книге, из которой мастера годами брали чужие воспоминания ради безопасных дорог. Старший цеха уверен: без этой жертвы перевалы рухнут, города останутся без еды, а люди сами попросят вернуть прежний порядок. Чтобы остановить кражу и не погубить горные поселения, Вете придётся отказаться от ремесла, которым она кормит семью, раскрыть цену каждого чуда и доказать, что ответственность можно разделить — но нельзя спрятать. «Цена чужого чуда» — фэнтези о памяти, семейной правде и власти, которая называет насилие необходимостью.

© Мирская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чудо на верёвке	6
Глава 2. Год, которого нет	14
Глава 3. Охотница за подделками	23
Глава 4. Слово держит камень	32
Глава 5. Мелкая строка	42
Глава 6. Семь уступов	50
Глава 7. Цена проверки	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Лея Мирская

Цена чужого чуда

От автора

Мы часто называем чудом то, чью цену не видим. Удержанный мост кажется подарком, спасённая дорога — заслугой мастера, а исчезнувший год в чужой памяти легко принять за рассеянность. Эта история начинается там, где профессиональная проверка перестаёт быть гарантией честности.

Перед вами роман о ремесле, семейной памяти и праве человека знать цену спасения до того, как он согласится платить. Его герои не смогут вернуть прожитые годы буквально. Им придётся сделать труднее: признать утрату, назвать виновных и построить новые связи без требования притворяться, будто ничего не случилось.

Магия здесь держит камень словом. Но ни одно слово не должно держать самого человека.

Глава 1. Чудо на верёвке

Верёвка пела над пропастью на одной ноте.

Вета услышала её ещё на верхней тропе, прежде чем увидела мост. Ветер дёргал подвесное полотно, доски били друг о друга, железные серьги скрипели в каменных гнёздах, но сквозь весь этот шум тянулся ровный тон — слишком чистый для мокрой пеньки и слишком долгий для металла.

— Стойте, — сказала она.

Погонщик за её спиной выругался и натянул поводья. Первый мул уже ступил на заходную площадку. На его выюке звякнули глиняные кувшины с ламповым маслом.

— До сумерек два часа, госпожа охотница. Если опять мелом доски мазать станете, мы на нижнем уступе заночуем.

— Заночуете здесь, если мост лжёт.

Вета сняла перчатку и положила ладонь на крайнюю несущую верёвку. Волокна были холодными, налитанными туманом. Под пальцами шла мелкая дрожь. Настоящее удерживающее слово отзывалось не только звуком: оно заставляло камень помнить, каким тот был до трещины, а верёвку — какой была до износа. От прикосновения к рабочему знаку обычно ломило зубы. Сейчас зубы молчали.

Зато под большим пальцем хрустнула крупинка синего стекла.

Вета усмехнулась.

— Ваше чудо куплено у стекольщика.

Смотритель моста, сутулый человек в меховой безрукавке, перестал изображать обиду и просто побледнел.

На стойках висели семь узелковых оберегов. Каждый представлял собой сплетение красной шерсти, медной проволоки и дощечки с выжженным словом «держи». Такие дощечки ставил цех после проверки. За подделку полагался штраф, за подделку на дороге первого разряда — лишение мастерской. Однако издали всё выглядело убедительно: красная шерсть новая, медь начищена, выжженные буквы неровные, будто мастер торопился под дождём.

Вета достала из кожаного футляра камертон. На рукояти темнело цеховое клеймо — гора, пересечённая прямой чертой. Рядом висел её личный знак: три коротких насечки и одна длинная. Она ударила камертоном о каблук.

Чистый звук поплыл над площадкой.

Шесть оберегов промолчали. Седьмой, ближний к пропасти, ответил едва слышным стеклянным звоном.

— Снимайте, — сказала Вета.

— Нельзя, — быстро ответил смотритель. — Без них люди не пойдут.

— С ними люди пойдут и решат, что защищены.

— Мост держит уже двенадцать лет.

— Его держат четыре главные верёвки, две запасные, каменные быки и мостовщики. А эти штуки держат только вашу выручку.

Погонщик хмыкнул. Смотритель бросил на него злой взгляд, но спорить с цеховым камертоном не решился. Он потянулся к ножу.

— Не режьте, — сказала Вета. — Развяжите. Мне нужны целые образцы и имя продавца.

— Сам делал.

— Тогда тем более развяжите аккуратно.

Снизу донёсся стук молотка. Вета перегнулась через ограждение. Под настилом, стоя на узкой рабочей петле, человек в серой куртке забивал клин в поперечную балку. Его страхо-

вочная верёвка была привязана к поясу простым мостовым узлом. Ещё ниже клубился белый туман. Дна ущелья не было видно, только иногда проступала чёрная вода.

— Лис! — крикнула Вета.

Человек поднял голову. Даже с высоты она узнала улыбку брата — широкую, немного виноватую, как в детстве после разбитой чашки.

— Не топай, — отозвался он. — Я почти закончил.

— Ты должен был работать на северной подпорке.

— Там закончили вчера.

— Ты говорил, что на три дня.

— Значит, мы быстрые.

Вета убрала камертон в футляр. Лис никогда не сообщал о смене участка, пока его не спрашивали. Он называл это бережливостью: зачем тревожить мать и сестру каждой новой высотой? Вета называла это глупостью, но спор всякий раз кончался тем, что Лис обещал предупредить, а потом снова не предупреждал.

— Поднимайся, — сказала она. — Мост закрыт до проверки.

— Из-за тряпок?

— Из-за ноты.

Улыбка исчезла. Лис посмотрел не на обереги, а на дальнее крепление, скрытое под навесом. Затем сунул молоток за пояс и начал подниматься по верёвочной лесенке.

Вета заметила его взгляд.

— Что там?

— Старое удержание. Дорн велел не трогать.

— Когда ставили?

— До меня.

— Здесь всё ставили до тебя, кроме свежей заплаты на локте.

Лис выбрался на площадку и обнял её одной рукой, оставив на плаще мокрый след. Вблизи он выглядел уставшим: под глазами лежали серые тени, на щеке белела полоска каменной пыли. От него пахло пенькой, железом и густой мазью для рук.

— Рад тебя видеть, Ветка.

— Не называй меня так при заказчиках.

— Здесь только мошенник, погонщик и мулы.

Смотритель шумно втянул воздух.

— И предполагаемый мошенник, — поправил Лис.

— Уже установленный. Где Дорн?

— На дальнем быке. Мы нашли раскрытый шов.

Он сказал это буднично, но погонщик немедленно стащил шапку и перекрестил ею грудь. Смотритель перестал возиться с оберегом.

— Какой ещё шов?

— Узкий, — ответил Лис. — Пока узкий.

Вета присела возле первой стойки и провела ногтем по камню. Скала здесь была слоистой, с серебряными прожилками. Вблизи старого железного гнезда виднелась свежая белая черта. Она уходила под настил и дальше, к краю площадки.

— Мост не открывали после находки?

Смотритель упрямо сложил руки на груди.

— Караваны идут. Осеннее масло, соль, лекарская кора. Закрою дорогу — семь посёлков останутся без запасов.

— А если площадка отойдёт от скалы, они останутся без каравана и без людей.

— Мастер Дорн сказал, до вечера выдержит.

— Он сказал: «выдержит» или «должна выдержать»?

Смотритель отвёл взгляд.

Разница между этими словами стоила дорого. Первое было заключением мастера. Второе — надеждой человека, которому не хватало времени, рабочих или смелости закрыть дорогу.

Вета встала.

— Мулов отвести за поворот. Людей тоже. Лис, покажи знак.

— Дорн велел ждать его.

— А цех велел мне проверять всякое чудо, которое влияет на безопасность дороги.

— Ты проверяешь подделки.

— Именно. Пока я не слышала настоящее, любое чудо считается подделкой.

Лис помрачнел. Он посмотрел на футляр с камертоном, будто тот сам затеял ссору.

— Иногда ваши проверки делают хуже.

— Иногда ваши молотки тоже. Поэтому у вас есть старший мостовщик.

Она ждала привычной усмешки, но брат не ответил. Спустился на настил и пошёл вперёд, широко ставя ноги. Мост проседал под каждым шагом и медленно раскачивался. Вета двинулась за ним.

На середине ущелья ветер ударил сбоку. Туман разошёлся, открыв реку далеко внизу. Чёрная вода казалась неподвижной, хотя гул от неё поднимался до самых верёвок. Вета смотрела только на спину Лиса и на его правую руку, скользившую по ограждению. Так он ходил по мостам с двенадцати лет, когда впервые напросился в артель носить клинья. Тогда отец ещё был жив и грозился привязать сына дома к печи. Или это говорила мать? Вета попыталась вспомнить точный голос и не смогла.

Лис остановился возле дальнего быка. Здесь настил расширялся в треугольную площадку, прижатую к скале шестью железными лапами. Над нею нависал деревянный козырёк. Под козырьком темнела каменная плита с вырезанным словом.

Не «держи».

«Жди».

Буквы были старые, глубокие, заполненные чёрным воском. Через середину плиты проходила трещина. Воск в ней блестел влажно, словно его нагрели.

Рядом на коленях стоял рабочий и обеими руками прижимал к камню короткую верёвочную петлю. Лет ему было около сорока. Рыжая борода слиплась от дождя. На каждом выдохе он шептал одно и то же:

— Ещё немного. Ещё немного. Ещё немного.

— Тарен держит натяжение, — тихо сказал Лис. — Если отпустит, плита может разойтись.

— Верёвкой?

— Словом на верёвке.

Вета прислушалась. Вот откуда шла чистая нота. Не от главной несущей пеньки, как ей показалось наверху, а от короткой петли в руках рабочего. В неё были вплетены тонкие серебряные волоски. При каждом повторе они вспыхивали и гасли.

— Кто поставил?

— Дорн принёс из цехового ящика.

— Без охотника?

— Скала не ждала охотника.

Тарен открыл глаза.

— Я сам согласился, госпожа.

Его голос дрожал от усилия. На шее выступили жилы. Рядом лежала кожаная фляга, медный жетон мостовщика и маленькая деревянная лошадка с одним отломанным ухом.

— На что согласились? — спросила Вета.

— Подержать до мастера.

— Какую цену называли?

Тарен моргнул.

— Никакую. Это временный узел.

Вета посмотрела на Лиса.

— Откуда петля?

— Из запечатанного ящика, — повторил он. — На крышке цеховое клеймо. Дорн вскрыл при нас.

— А внутри была запись проверки?

— Там обвал начинался, Вета.

— Была запись?

— Не видел.

Она сняла перчатку со второй руки и опустилась рядом с Тареном. От плиты исходил холод, но верёвочная петля была тёплой. Серебряные волоски впивались рабочему в ладони. Вета провела ногтем по одному из них, не касаясь самой нити. Зубы сразу заныло.

Настоящее чудо.

Не сильное. Пока не сильное.

— Тарен, не повторяйте слова чаще, чем сейчас. И не меняйте их.

— Язык уже деревянный.

— Потерпите. Лис, принеси мой серый мешок. И найди Дорна.

— Если оставить тебя одну...

— Я не собираюсь отпускать петлю.

Брат замылся. Вета подняла на него взгляд.

— Беги.

Он ушёл, пригнувшись под ветром. Вета достала из кармана кусочек белого мела и начертила на плите короткую черту поперёк слова. Мел должен был осыпаться, если удержание тянуло силу из камня. Черта осталась целой. Тогда она поставила вторую черту на верёвке, едва запачкав волокна. Белый след тут же почернел.

Сила шла через человека.

— Тарен, о чём вы думали, когда взяли петлю?

— О деле.

— Не о деле. Что вы увидели внутри себя?

— Ничего.

— Настоящее слово не берёт пустое. Вспомните.

Он сжал губы. Петля запела выше. Где-то под площадкой хрустнул камень.

— Не давите, — сказала Вета. — Просто расскажите первое, что было перед глазами.

— Дочка.

— Что именно?

Тарен посмотрел на деревянную лошадку.

— Как училась ходить. У нас пол кривой был, она всё к сундуку заваливалась. Смеялась. Жена говорила, надо доски переложить, а я...

Он замолчал. Его лицо стало пустым, точно слово оборвали ножом.

— А вы что? — спросила Вета.

— Не знаю.

— Вы только что рассказывали.

— О чём?

Петля вспыхнула серебром. Из трещины в плите посыпалась каменная мука. Вета схватила Тарена за запястье. Пульс бился часто, но ровно.

— Как зовут вашу дочь?

— Ива.

— Сколько ей?

— Восемь. Нет, девять весной.

— Где она родилась?

— В Верхних Соснах.

— Кто принимал роды?

Тарен нахмурился.

— Жена, наверное.

— Жена рожала.

— Ну да. Я хотел сказать... лекарка. Разумеется.

Но он не мог назвать лекарку. Не мог вспомнить цвет волос новорождённой. Не знал, кто принёс воду. Отвечал всё медленнее, ощупывая пустоту там, где несколько мгновений назад находился целый день.

Вета больше не слышала ветра. Только чистую ноту верёвки.

Она видела такие провалы у стариков после горячки, у рудокопов после удара камнем, у женщин, слишком долго дышавших дымом плавильни. Память рвалась неровно: оставляла имя, но забирала лицо; сохраняла событие, но стирала чувства. Здесь исчезновение шло аккуратно, годовым слоем. Настолько аккуратно, что сначала его можно было принять за усталость.

— Когда Ива сделала первый шаг? — спросила Вета.

— Какой шаг?

Он действительно не притворялся.

Вета ударила камертоном о камень.

Звук отозвался в верёвке, в плите и глубоко в скале. На миг вся площадка стала музыкальным ящиком. Внутри главной ноты проступил второй голос — низкий, почти неслышный. Он произнёс не слово, а имя.

Тарен.

На внутренней стороне петли, там, где волокна касались его ладоней, блеснули крошечные буквы.

— Не двигайтесь, — сказала Вета.

— А я и не пляшу.

— Что бы ни случилось, не произносите своего имени.

— Зачем мне его произносить?

— Чтобы чуду пришлось просить цену, а не брать молча.

Он испуганно посмотрел на свои руки.

С дальнего края моста приближались двое. Лис шёл первым, за ним — широкоплечий мужчина с короткой седой бородой. Дорн Край не бежал: мостовщики на подвесных дорогах не бегали даже к пожару. Но каждый его шаг был длинным и точным.

— Что ты сделала? — спросил он вместо приветствия.

— Нашла цену вашего временного узла.

Дорн опустился возле плиты и осмотрел трещину.

— Цена будет, если удержание простоит до заката. Мы снимем раньше.

— Она уже списывается.

— Не может быть.

— Спросите Тарена, как дочь училась ходить.

Дорн посмотрел на рабочего. Тот беспомощно пожал плечами.

— Ива ходит давно.

Лицо старшего мостовщика окаменело.

— Петлю мне выдал цеховой хранитель, — сказал он. — Печать была цела.

— Печать подтверждает, что ящик не открывали после опечатывания. Не то, что положили внутрь.

— Потом разберёмся. Сейчас надо разгрузить шов.

Он подозвал Лиса и указал на железные лапы.

— Заводим две цепи за гребень. Одну сюда, вторую ниже. Тарен держит, пока не натянем.

— Нет, — сказала Вета.

— Что нет?

— Тарен больше не платит.

Дорн даже не повысил голоса.

— Отпустим сейчас — оторвёт площадку. За ней пойдёт правая несущая. На мосту четверо, на ближнем конце караван с маслом. Думаешь, обвал спросит разрешения?

— Поменяйте его.

— Слово уже взяло имя. Другие руки петлю не примут.

— Тогда режем слово.

— И получаем обвал.

Вета знала, что он прав. Знала и другое: каждое мгновение разговора стоило Тарену части жизни, которую он успел прожить и больше никогда не сможет назвать своей.

— Сколько нужно на цепи?

— Если крепления целы — четверть часа.

— Если нет?

— Пока не сделаем.

— Лис, сколько?

Брат посмотрел на трещину, на кольца в скале, на катушки цепи, которые рабочие уже тащили с берега.

— Двенадцать минут на верхнюю. Ещё десять на нижнюю.

— Делайте обе сразу.

— Людей не хватит.

Вета сунула камертон в зубы, стянула плащ и бросила его на сухое место.

— Теперь хватит.

Дорн хотел возразить, но Лис уже подал ей рукавицы. В его взгляде смешались страх и одобрение.

— Ты цепь хоть раз заводила?

— Я выросла рядом с тобой.

— Значит, нет.

— Показывай.

Следующие минуты разбились на железо, крики и боль в плечах. Цепь весила больше, чем казалась, и норовила уйти между досок. Вета легла животом на мокрый настил, протолкнула крюк под каменный выступ и чуть не лишилась пальцев, когда Лис выбрал слабинку. Дорн работал внизу, переставляя временные клинья. Двое мостовщиков крутили ворот. С каждым оборотом натягивалась цепь и менялась нота петли.

Тарен молчал. Вета запретила ему повторять слова, но чудо продолжало есть уже произнесённое обещание.

— Верхняя держит! — крикнул Лис.

Дорн ударил молотком по скобе. Камень ответил глухо.

— Нижнюю ещё на три зуба!

Ворот заскрежетал. Один зуб. Второй. На третьем из плиты вылетел чёрный кусок воска. Тарен вскрикнул.

Петля вспыхнула так ярко, что серебро стало белым. Вета услышала в ноте множество обрывков: детский смех, плеск воды, скрип кривого пола. Потом всё оборвалось.

— Держит! — крикнул Дорн. — Режь!

Вета выхватила нож. Обычная сталь скользнула бы по заговорённым волокнам, поэтому она ударила по лезвию камертоном и на выдохе произнесла:

— Цена не названа.

Это не было чудом. Всего лишь цеховая проверочная фраза, которая заставляла ложную работу показать пустоту. Но петля дёрнулась, словно услышала приговор. Вета перерезала один серебряный волосок, второй, затем толстую пеньковую сердцевину.

Тарен упал на спину.

Плита треснула пополам, однако цепи приняли вес. Мост качнулся, доски поднялись волной и снова легли. С ближней площадки закричали мулы.

Несколько долгих ударов сердца никто не двигался.

Потом Дорн выбрался наверх и проверил натяжение обеих цепей. Лис помог Тарену сесть. Рабочий рассматривал свои ладони. На коже остались тонкие серебряные ожоги, складывавшиеся в буквы его имени.

— Ива, — сказал он. — Дочь зовут Ива. Это я помню.

— Хорошо, — ответила Вета.

— Почему я не помню, как она родилась?

Никто не нашёл мягкого ответа.

Вета завернула разрезанную петлю в свой плащ. На внутренней стороне волокон теперь отчётливо проступала строка: «Тарен Вир, один год, по удержании».

— По удержании, — прочитал Лис через её плечо. — Но мы же разрезали раньше.

— Чудо сочло удержанием каждое мгновение, пока плита не падала.

— Так можно написать что угодно.

— Поэтому цену называют вслух до согласия.

Дорн снял рабочую рукавицу и потёр лицо.

— В ящике было цеховое клеймо.

— Я слышала.

— Его проверяли в главной башне.

— Это тоже слышала.

— Не разговаривай со мной как с виновным.

Вета подняла разрезанную петлю.

— Я разговариваю с человеком, который дал рабочему чудо, не прочитав мелкую строку.

— Строки не было.

— Она была внутри плетения.

— Значит, её не мог прочитать никто на мосту.

— Я смогла.

— После того как узел взял цену.

Это попало точно. Вета сжала свёрток сильнее.

Она приехала разоблачить семь дешёвых оберегов и уже представляла, как выпишет смотрителю штраф, снимет подделки, пропустит караван и к ужину вернётся домой. Всё было знакомо: стеклянная крошка вместо отклика, шерсть вместо слова, чужая жадность вместо чуда. А настоящее чудо лежало под настилом, в запечатанном цеховом ящике. Оно работало безукоризненно.

И именно поэтому было опаснее всякой подделки.

— Мост закрываем, — сказала она.

Смотритель, подошедший вслед за рабочими, вскинул руки.

— Цепи держат!

— До полной проверки закрываем.

— А караван?

— Разгрузите масло и перенесите кувшины по одному, когда Дорн разрешит пеший проход. Мулов поведёте северной дорогой.

— Это лишний день!

— Тарен потерял год. Не торгуйтесь со мной одним днём.

Смотритель замолчал.

Вета вынула из футляра красный мел и провела на первой доске поперечную черту — знак запрета. Под ним поставила своё клеймо. Теперь открыть мост мог только другой охотник после новой проверки или старший цеха личным приказом.

Лис отвёл её в сторону.

— Савену не понравится.

— Савену платят не за то, чтобы ему нравилось.

— Он скажет, что ты остановила снабжение из-за повреждённого временного узла.

— Я покажу ему имя внутри петли.

— Если оно останется.

Вета развернула плащ. Буквы уже тускнели. Она быстро достала бумагу, прижала её к волокнам и протёрла углём. На листе выступила неровная надпись. Последнее слово читалось хуже остальных, но имя и срок были ясны.

— Теперь останется.

Лис смотрел на отпечаток слишком долго.

— Ты видел такую строку раньше? — спросила Вета.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу, почти поверх вопроса.

— А узлы из таких ящиков?

— В каждой артели есть запас.

— Их применяли?

— Когда трещит скала, никто не перебирает бумаги.

— Я спросила не это.

Лис отвернулся к пропасти. Ветер шевелил выбившиеся из-под шапки тёмные волосы.

— Применяли, — сказал он. — Редко. На час, на два. Потом снимали. Никто не жаловался.

Тарен сидел у плиты и пытался прикрепить к деревянной лошадке отломанное ухо. Он приставлял кусочек неправильно, хвостом вперёд, снова отнимал и недоумённо качал головой.

— Может, просто не знали, на что жаловаться, — сказала Вета.

С дальнего уступа ударил сигнальный колокол. Один раз, пауза, ещё два: дорога закрыта, ищите обход. Звук перекатился через ущелье и затих между скал.

Верёвка больше не пела.

Но когда Вета убирала угольный отпечаток в футляр, ей показалось, что под собственным именем Тарена проступает ещё одна строка — такая мелкая, что глаз не мог удержать буквы. Она поднесла лист ближе. Уголь размазала по пальцам. Строка исчезла.

— Что там? — спросил Лис.

— Пока не знаю.

Вета посмотрела на цеховое клеймо своего камертона. Гора и прямая черта всегда означали для неё одно: камень можно проверить, ложь можно назвать, человек под знаком цеха защищён ремеслом.

Теперь на той же прямой словно появилась трещина.

Глава 2. Год, которого нет

К дому Вета поднялась после полуночи, неся чужой потерянный год в футляре для камертона.

Дождь перестал, но вода ещё бежала по лестницам Верхнего уступа. Здесь не было прямых улиц. Дома цеплялись за склон один над другим, крыша нижнего часто служила двором верхнему, а между печными трубами тянулись верёвки с фонарями. После закрытия моста масло берегли. Горели только три фонаря из десяти, и Вета шла в темноте, считая ступени по памяти.

Сто двадцать семь от рыночного навеса до старой груши. Ещё сорок две до двери.

На сто тридцать девятой она остановилась.

Груши не было. Вместо неё у подпорной стены торчал свежий пенёк, прикрытый от дождя перевёрнутым ведром. Дерево срубили не сегодня: срез уже потемнел. Вета попыталась вспомнить, когда видела его в последний раз, и обнаружила, что не может. Весной? Прошлой осенью? Может быть, она давно ходила другой лестницей.

Такие мелочи после моста казались ловушками. Любой пробел можно было принять за кражу, всякую забывчивость — за работу скрытого слова.

Вета заставила себя идти дальше.

Их дом был узким, трёхэтажным, хотя каждый этаж состоял из одной комнаты. Нижнюю занимала мастерская матери, среднюю — кухня, верхнюю разделили занавесками на спальни. Над дверью висела деревянная птица с распростёртыми крыльями. Отец вырезал её в ту зиму, когда лавина засыпала восточную тропу. Или Лис? Нет, Лису тогда было восемь, он только шлифовал крыло.

На кухне горела лампа.

Вета отперла дверь и сразу почувствовала запах печёного лука. Мать сидела у стола, завернув ноги в шерстяное одеяло. Перед ней лежали счёты и три кучки медных монет.

— Хлеб, уголь, лекарка, — сказала она вместо приветствия. — Выбирай, за что не платить.

— За лекарку платим.

— Тогда уголь покупаем сырой и всю зиму кашляем.

— Я получила дорожные за выезд.

— Ты получила их утром. Они уже здесь.

Мать указала на самую маленькую кучку. Рина Орс никогда не спрашивала, как прошла проверка, пока не пересчитывала деньги. Не из равнодушия. Просто плохие новости легче было слушать, когда известна цена следующей недели.

Вета сняла промокшие сапоги и поставила футляр на стол.

— Мост Семи Ветров закрыт.

Пальцы матери замерли над костяшками.

— Лис?

— Цел. Придёт позже с артелью.

— Почему закрыт?

— Трещина в дальнем быке. Они поставили цепи. Завтра Дорн решит, можно ли пропускать пешех.

— Значит, работы будет больше.

— Значит, опасности будет больше.

— Это у вас одно и то же.

Рина встала, подкинула в печь тонкую щепку и достала горшок. Она была невысокой, с прямой спиной и руками резчика: широкие ладони, короткие ногти, мелкие шрамы от ста-

мески. После смерти мужа мастерская перешла к ней, но заказы на дорожные знаки постепенно забрал цех. Теперь мать вырезала игрушки, рукояти и домашние обереги, которые не обещали чудес.

— Тебе оставить похлёбку? — спросила она.

— Оставь Лису. Я ела на заставе.

Это было неправдой. На заставе Вета выпила кружку горячей воды с тмином, но от мысли о еде сводило горло.

Она открыла футляр. Рина сразу увидела угольный отпечаток.

— Чьё имя?

— Тарен Вир. Мостовщик.

— Знаю его жену. Она покупает у меня лошадок.

Вета достала деревянную игрушку с отломанным ухом. Тарен сунул её ей перед уходом, попросил починить, а через минуту забыл, зачем отдал.

Мать взяла лошадку осторожно, словно живую.

— Ива таскает такую повсюду. Говорит, конь не боится высоты.

— Он потерял память о её первом годе.

Рина поставила игрушку на стол.

— От удара?

— От удерживающей петли. На ней было его имя и цена. Внутри плетения, так что увидеть можно только камертоном, когда слово уже взяло память.

— Он согласился?

— Держать скалу — да. Отдать год — нет.

В печи лопнула щепка.

Мать долго смотрела на отпечаток, потом подтолкнула его обратно к Вете.

— Убери до прихода Лиса.

— Почему?

— Потому что он устал.

— Он работал рядом с таким узлом.

— Тем более.

— Мам.

— Не начинай допрос за столом.

Вета свернула бумагу и положила в футляр, но закрывать его не стала.

— Он сказал, артели применяли петли раньше.

— Мостовщики применяют всё, что не даёт им упасть.

— Ты знала?

Рина сняла крышку с горшка, хотя похлёбка ещё не успела остыть.

— О чём именно я должна была знать?

— О цене.

— Я не работаю в цехе двадцать два года.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Снизу хлопнула дверь. По лестнице тяжело поднялся Лис. Он вошёл в кухню в сухой рубашке, но с мокрыми волосами. Куртку, видно, оставил в мастерской. В руках он держал круглый хлеб и бумажный свёрток.

— Спас ужин, — объявил он. — У пекаря оставалось две краюхи, я отдал за одну пуговицу Дорна.

— Медную? — спросила мать.

— Костяную.

— Тогда пекарь спас тебя.

Лис поцеловал её в макушку, отломил горбушку и только потом заметил футляр.

— Ты ещё не спишь?

— Ждала тебя.

— Зловеще звучит.

— Сначала поешь, — сказала Рина.

Лис сел и подвинул к себе горшок. Он ел быстро, обжигаясь и не жалуясь. Вета наблюдала, как брат держит ложку. На правой ладони у него были свежие потёртости от цепи, но серебряных ожогов не было.

— Дорн остался у моста? — спросила она.

— До смены. Верхняя цепь легла хорошо, нижнюю надо закрепить ещё одной лапой.

Утром пропустим пеших.

— Если проверка подтвердит.

— Если твоя проверка подтвердит.

— Другого охотника туда не пошлют после моего запрета.

— Савен может снять черту.

— Может. Под свою ответственность.

Лис провёл хлебом по дну миски.

— Ты собираешься идти к нему с утра?

— Сначала к Тарену. Хочу записать, что он помнит и чего не помнит, пока края провала не размылись.

— Ты говоришь о нём как о треснувшей плите.

— Потому что знаю, как проверять плиту. Человека — нет.

— Тогда оставь его семье.

— И позволить цеху сказать, что он просто устал?

Лис отложил ложку. Мать принялась чинить лошадке ухо, хотя для этого требовался клей из мастерской. Она приставляла кусочек к голове и придерживала пальцем, будто могла заставить дерево срастись терпением.

— Вета, — сказал брат, — сегодня ты спасла площадку и Тарена. Этого достаточно для одного дня.

— Не спасла то, что узел уже взял.

— Никто бы не спас.

— Тот, кто спрятал цену, мог.

Лис покачал головой и снова взял ложку.

Мать тихо запела.

Это случалось редко. Рина не считала себя певицей и обычно напевала только за работой, когда руки знали дело лучше головы. Мелодия была простая, из четырёх повторяющихся строк. Отец пел её на зимней дороге, чтобы дети шагали в один ритм и не проваливались в снег по очереди.

За первым уступом ветер спит,

за вторым вода звенит...

Вета подхватила третью строку почти беззвучно:

На седьмом нас встретит свет...

Лис поднял голову.

— Что это?

Мать перестала петь.

— Песня.

— Я слышу. Какая?

Рина посмотрела на Вету, потом снова на сына.

— Дорожная.

— Чья?

— Отцовская, — ответила Вета.

Лис рассмеялся, но смех вышел коротким.

— Отец не пел. Он даже свистеть не умел.

— Пел, когда водил нас к тёплым ключам.

— Мы не ходили к тёплым ключам.

Вета почувствовала, как кухня сужается. Лампа, печь, стол, три человека — всё осталось на месте, но между ними открылось ущелье.

— Каждую зиму до лавины, — сказала она. — Ночевали в доме смотрителя. Ты украл там сушёную сливу, и отец заставил тебя чистить котёл.

— Никогда не любил сливы.

— Потому что объелся в тот раз.

— Хватит.

Он произнёс это не сердито, а испуганно.

Рина положила ладонь на его запястье.

— Сколько тебе было, когда отец погиб?

— Одиннадцать.

— Где?

— На Каменном зубе.

— Что он делал утром перед выходом?

— Точил скобель.

— Нет, — сказала Вета. — Пел эту песню и латал мой сапог.

— Я помню скобель.

— Скобель точила мама.

Рина закрыла глаза.

Лис выдернул руку.

— Вы сговорились?

— Зачем нам это?

— Чтобы доказать, что на мосту случилось что-то большее. Тебе всегда мало одной подделки, Вета. Нужно раскопать целый заговор.

— Я ничего не доказываю. Я спрашиваю, что ты помнишь.

— А я говорю: отец не пел.

Он встал так резко, что опрокинул табурет. Потом замер, глядя на него, словно не понимал, откуда тот взялся.

— Лис, — тихо сказала мать.

— Мне надо спать.

— Покажи руки.

— Уже показывал. Обычные мозоли.

— Не ладони. Запястья, локти, шею. Всё, где могла касаться рабочая верёвка.

— Не буду раздеваться посреди кухни ради твоей новой охоты.

— Тогда в мастерской.

— Нет.

Вета перегородила лестницу.

Лис был выше и сильнее. Он мог отодвинуть её одной рукой, но не сделал этого.

— Ты не знаешь, что ищешь, — сказал он.

— Имя. Срок. След серебра.

— И если не найдёшь?

— Поверю, что причина другая, и найду лекаря.

— А если найдёшь?

Вопрос повис между ними.

— Тогда узнаю, кто вписал тебя без согласия.

— И потеряешь лицензию.

— С чего бы?

— Потому что эти ящики выдаёт цех. Потому что ими пользуются артели на всех семи уступах. Потому что Савен скажет: несколько забытых песен дешевле, чем несколько сотен мёртвых на дне.

Мать резко встала.

— Ты знал про память.

Лис посмотрел на неё.

— Про цену — да. Не про скрытые имена.

— Какая разница, если цену платишь ты?

— Большая. Я соглашался.

Вета почувствовала одновременно облегчение и ярость. Облегчение — потому что брат наконец говорил. Ярость — потому что говорил только прижатый к стене.

— Когда?

— Не помню дату.

— Очень удобно.

— Не начинай.

— Это могло быть следствием оплаты. Мне нужна точка отсчёта.

Лис поднял табурет и сел. Плечи у него опустились.

— Весной, кажется. На северной подпорке сорвало клетку с камнем. Дорн не успевал вывести двоих снизу. Я сказал слово.

— Какое?

— «Стой».

— Что отдал?

— Один день.

— Какой день?

— Не знаю. В том и смысл.

— Нет. Слово должно показать воспоминание до согласия.

— Мне показало летнее утро. Мы с отцом ставим сеть на ручье. Ничего важного.

Рина ударила ладонью по столу. Лошадка подпрыгнула и упала на бок.

— Ничего важного?

— Мам, я спас людей.

— И решил за нас, что память об отце ничего не стоит?

— Это моя память.

— Тогда почему вместе с ней исчезла песня?

Лис открыл рот и не ответил.

Вета опустила перед ним на корточки.

— Один день не забирает год. Даже сильное удержание не должно.

— Значит, я забыл песню сам.

— Покажи место слова.

Он расстегнул ворот рубахи и оттянул ткань на левом плече. Над ключицей белел круглый шрам размером с монету. Обычный след ожога, уже старый. Вета поднесла лампу ближе.

— Это от серебряной петли?

— От застёжки ремня. Нагрелась во время удержания.

— Почему не сказал?

— Потому что ты сейчас делаешь ровно то, чего я не хотел.

Вета коснулась шрама ногтем. Зубы не заняло. Старое чудо давно выгорело. Но по краю круга шли крошечные углубления, слишком ровные для случайного ожога.

— Мне нужен уголь.

— Нет.

— Лис.

— Ты не будешь тереть меня своими порошками.

Рина молча достала из печи обугленную лучину.

Лис посмотрел на мать и сдался.

Вета растёрла уголь на блюде, добавила каплю масла и получила густую чёрную кашицу. Нанесла её на шрам, подождала, затем прижала тонкую бумагу. Лис вздрогнул не от боли — масло было тёплым, — а от унижения. Она понимала это и всё равно продолжала.

На первом отпечатке ничего не было. На втором проступили отдельные точки. Вета повернула бумагу к лампе.

— Это не буквы, — сказал Лис.

— Возможно.

Она взяла камертон.

— Не смей.

— Я ударю тихо.

— Дело не в громкости.

— Тогда в чём?

— В том, как ты на меня смотришь. Как на улику.

Вета опустила руку.

Он был прав. С того мгновения, как песня оборвалась, она перестала видеть брата целиком. Перед ней сидели провал, шрам, несходящиеся сроки. Даже его страх она раскладывала на признаки.

— Прости, — сказала она.

— И что теперь?

— Теперь ты сам решишь. Камертон может показать остаточный рисунок. Может не показать ничего. Больно не будет.

— А если найдёт имя?

— Мы запишем. Потом решим вместе.

— Ты умеешь решать вместе?

— Попробую впервые.

Уголок его рта дрогнул. Почти улыбка.

— Ударь тихо.

Вета коснулась камертоном края стола. Звук был слабым, кухонным. Деревянные ложки отозвались коротким звоном. Она провела рукоятью над отпечатком.

Чёрные точки вытянулись в штрихи.

Сначала появилась дуга, затем косая черта. Вета переставила лампу. Рина наклонилась через её плечо.

— Л, — сказала мать.

Следом проступила вертикаль. Потом ещё одна дуга.

Лис.

Имя было вырезано не на петле. Оно осталось в коже, будто чудо использовало человека как обратную сторону записи.

Под именем шли семь коротких насечек и одна длинная.

— Что это значит? — спросил Лис.

Вета не ответила. В цеховых записях короткой насечкой отмечали месяц, длинной — год. Но восемь знаков могли означать и номер ящика, и участок, и мастера. Нельзя было пугать семью догадкой.

— Мне нужен справочник меток.

— Ты знаешь, что значит длинная, — сказал он.

— Иногда год. Не всегда.

— Семь месяцев и год?

— Так цену не записывают.

— Как её записали у Тарена?

— Словами.

Лис вытер плечо грубой тряпкой. Шрам снова стал просто белым кругом.

— Я помню северную подпорку, — сказал он. — Помню двух людей внизу. Помню день с отцом на ручье. Значит, слово не взяло его полностью.

— Что отец сказал, когда сеть порвалась?

— Она не рвалась.

Вета помнила, как сеть унесло течением. Отец смеялся, Лис плакал от обиды, а она полезла в ледяную воду и потом неделю кашляла. Но если начать проверять каждую подробность, ночь превратится в суд, где никто не знает правильных ответов.

— Хорошо, — сказала она. — Пока остановимся.

Рина взяла отпечаток и положила рядом с именем Тарена.

— Не остановимся. Только перестанем мучить Лиса. Утром ты пойдёшь в цех.

— Сначала к Тарену.

— Сначала туда, где хранят метки.

— Савен заберёт оба листа.

— Тогда не показывай ему оба.

Вета удивлённо посмотрела на мать.

— Ты предлагаешь скрыть улику от старшего цеха?

— Я предлагаю не отдавать единственный след человеку, чьё клеймо было на ящике.

Лис тихо присвистнул.

— Вот от кого у тебя подозрительность.

— От вашего отца, — ответила Рина. — Он никому не доверял инструменты и всё равно однажды доверил жизнь плохой скобе.

Она забрала лошадку и спустилась в мастерскую за клеем. Лис остался у стола. Вета сложила отпечаток его шрама вчетверо и убрала во внутренний карман, отдельно от футляра.

— Маме не говори про сеть, — попросил он.

— Почему?

— Если окажется, что я забыл и это, она начнёт вспоминать за меня. Рассказывать каждую мелочь. Я не хочу жить в чужом пересказе.

— В моём тоже?

— Особенно в твоём. Ты говоришь так уверенно, что человек начинает сомневаться даже в том, что помнит сам.

Вета хотела возразить, но вспомнила, как допрашивала Тарена у плиты. Вопрос за вопросом, пока на месте жизни не остался список отсутствующего.

— Тогда будем записывать только то, что ты сам назовёшь потерянным.

— Как можно назвать потерянным то, о чём не знаешь?

На это ответа не было.

Они поднялись на верхний этаж. За занавеской матери скрипнула кровать. Лис лёг, не раздеваясь полностью, и почти сразу затих. Вета осталась у маленького окна. Ночная Арда под-

нималась вокруг тёмными уступами. На дальних склонах горели сигнальные огни: два красных у закрытого моста, один белый у северной дороги.

Она достала оба отпечатка.

На листе Тарена строка почти не изменилась. «Тарен Вир, один год, по удержании». Ниже — смазанный след, который она заметила на мосту.

На листе Лиса имя проступило яснее, хотя камертон давно замолчал. Семь коротких насечек и одна длинная теперь соединялись тонкой чертой. Вета повернула бумагу. Черта образовывала знакомый знак — гору, пересечённую прямой.

Цеховое клеймо.

Под ним появлялись буквы. Не все сразу. Уголь словно вспоминал их медленнее, чем человек забывал.

Вета поднесла лист к окну, поймала свет далёкого фонаря и разобрала два слова:

«Общий запас».

Она закрыла глаза.

В цехе так называли не инструменты и не деньги. Общим запасом были вещи, которые принадлежали всем мастерам: верёвка на случай обвала, зерно на случай осады, вода в пожарных бочках. То, что можно взять без отдельного разрешения, потому что иначе погибнут люди.

Кто-то внёс память Лиса в этот список.

Снизу вернулась мать. Послышался стук пузырька с клеем, затем тихие шаги. Вета быстро убрала листы.

— Не спишь? — шепнула Рина из-за занавески.

— Сейчас лягу.

— Ухо утром схватится. Отнесёшь Иве.

— Отнесу.

— И Вета...

— Что?

Мать долго молчала.

— Песня была не отцовская. Он перенял её у твоего деда. Но Лис всё равно её знал.

— Я помню.

— Не будь так уверена в каждом крае воспоминания. Иначе, когда найдёшь ошибку, решишь, что всё остальное тоже ложь.

Рина легла. Дом затих.

Вета не спала до рассвета. Она составила два списка. На первом — то, что знала точно: петля пришла из запечатанного цехового ящика; Тарен не слышал цену; скрытая строка назвала его имя и год; на шраме Лиса осталось его имя и клеймо общего запаса. На втором — то, что только предполагала: Лис отдал больше, чем один день; мостовые артели пользовались чужой памятью; Савен знал; за смазанной второй строкой Тарена скрывалось ещё одно имя.

Потом сожгла второй список.

Догадки были полезны охотнику, пока не начинали притворяться уликами.

На рассвете Лис заворочался за занавеской и запел во сне. Мелодия была дорожная, та самая, только слова другие и бессмысленные. Вета слушала, не двигаясь. На третьей строке брат умолк, будто дошёл до края, за которым ничего не было.

Она открыла справочник цеховых меток, старое издание отца, и нашла знак из семи коротких насечек и одной длинной.

Запись стояла на полях, сделанная его рукой:

«Годовой сбор. Имя остаётся действующим до закрытия дороги».

Мост Семи Ветров открыли двенадцать лет назад.

Вета пересчитала насечки ещё раз. Потом ещё.

Они обозначали не семь месяцев и один год.

Семь уже взятых лет и следующий, восьмой.

Лис потерял не песню.

Он терял детство по году за каждую дорогу, которую цех продолжал считать открытой.

Глава 3. Охотница за подделками

Утром Вета отнесла Иве деревянную лошадку и впервые не стала задавать вопрос сразу.

Дом Тарена стоял на Среднем уступе, в тесном ряду между красильней и складом веревок. В щелях ставней застряла синяя шерсть, на ступенях засохли капли краски. Обычно здесь пахло мокрым войлоком и щёлоком, но сегодня из открытой двери тянуло овсяной кашей. Жена Тарена, Нель, встретила Вету с закатанными рукавами и ложкой в руке.

— Он не спал, — сказала она, не здороваясь. — Потом уснул за столом. Теперь снова говорит, что должен идти к мосту.

За её спиной Тарен затягивал ремень на рабочей куртке. Двигался он уверенно: нашёл крючок, проверил нож, потрогал карман с мелом. Человек мог забыть год жизни и всё равно помнить, какой узел вязать первым.

Ива сидела на полу возле печи. Увидев лошадку, она вскочила.

— Смелый!

— Теперь с двумя ушами, — сказала Вета.

Девочка прижала игрушку к груди и тут же показала отцу.

— Смотри, папа, бабушка Рина починила.

Тарен улыбнулся. Хорошей, тёплой улыбкой, от которой у Веты заболело под рёбрами.

— Красивый конь.

Он не сказал, что сам вырезал насечки на седле. Не вспомнил, как вчера сунул игрушку Вете. Ива, похоже, уже научилась не ждать нужных слов. Она поскакала лошадкой по краю лавки, изображая цокот.

— Мост закрыт, — сказала Вета. — До решения Дорна и моей повторной проверки никто из вчерашней смены туда не выходит.

— Я нужен на нижней цепи.

— Там другая бригада.

— Они поставят лапу поперёк жилы.

— Тогда Дорн их остановит.

Тарен посмотрел на неё так, будто она была не охотницей, а дверью, которую можно снять с петель.

— Я здоров.

— Я пришла не решать, здоров ты или нет. Хочу записать только то, что ты сам заметил.

— Уже записала вчера.

— Вчера ты был сразу после удержания.

— А сегодня сразу после бессонной ночи, — вмешалась Нель. — Через неделю будете говорить, что он плохо помнит от страха. Через год — что всегда был забывчивым. Записывай сейчас.

Она освободила край стола. Вета вынула из сумки чистый лист, обычное гусиное перо и пузырёк чернил. Камертон оставила в футляре. Тарен это заметил и немного расправил плечи.

— Начните с того, что помните сами, — сказала Вета. — Я не буду называть события и просить подтверждать.

— Сколько времени?

— Столько, сколько захотите.

— Полчаса, — решила Нель.

Тарен сел. Ива продолжала водить лошадку по лавке, но теперь делала это тихо.

Он помнил день их свадьбы: снег, красный пояс Нель, треснувшую кружку у свидетеля. Помнил рождение Ивы, точнее — дверь комнаты, таз с водой и собственные ладони, испачканные смолой после ночной работы. Помнил, как впервые взял дочь на руки. Не помнил, когда

она начала ходить. Не помнил её первого слова. Не помнил зиму, в которую она болела и Нель трое суток не отходила от кровати.

— Я не отходил, — возразил Тарен.

— Ты был рядом, — сказала Нель. — Я держала её. У тебя тогда рука была в лубке.

Тарен посмотрел на правое запястье. Старый перелом чуть выгнул кость.

— Откуда?

Нель отвернулась к печи.

Вета поставила точку и отложила перо.

— Достаточно.

— Нет, — сказал Тарен. — Пиши дальше.

— Теперь вопросы начнут подсказывать тебе ответы.

— А без вопросов я не узнаю, чего нет.

Это были почти слова Лиса. Вета почувствовала, как легко можно превратить чужую жизнь в длинную проверку: пройти по именам, праздникам, зимам, ранам, пока человек не увидит пустоту за каждым знакомым лицом.

— Тогда пусть Нель составит список отдельно, — сказала она. — Не того, что ты обязан помнить, а того, что важно для семьи. Сверите, когда сами решите. Без меня.

— И это вернёт год?

— Нет.

— Значит, ты пришла измерить дыру.

— Я пришла не дать цеху назвать её усталостью.

Тарен встал и прошёл к окну. На дворе грузчики катили тележку с бухтами каната. Он следил за ними, пока колёса не скрылись за красильней.

— Кто заплатит за мои пропущенные смены?

Вета знала ответ и ненавидела его.

— Пока мост закрыт по моему знаку, цех должен выплатить половину обычного заработка.

— Половину не едят целиком.

Нель поставила перед ним миску каши.

— Сегодня едят то, что есть.

— А если цех отменит твой знак? — спросил Тарен.

— Тогда смены возобновятся.

— Если отменит твою лицензию?

Вета промолчала.

Нель поняла раньше мужа.

— Может?

— Старший может отстранить охотника до разбирательства. Если решит, что запрет нанесён без оснований.

— У нас есть основания, — сказал Тарен.

— Есть. Я их предъявлю.

Она не добавила, что предъявит только отпечаток его имени. Лист Лиса лежал дома под съёмной доской в материнской мастерской. Вета завернула его в промасленную ткань и придала коробкой с костяными пуговицами. До вчерашнего вечера ей казалось смешным прятать улику от собственного цеха. Теперь смешным казалось доверять запертому ящику только потому, что ключ носил мастер с серебряным знаком.

Ива поднесла лошадку к её руке.

— Она тебя помнит.

— Кто?

— Смелый. Мама сказала, папа забыл, а конь нет.

Тарен вздрогнул. Нель прижала губы к виску дочери.

Вета осторожно коснулась деревянной гривы.

— Дерево ничего не помнит само. Но насечки можно прочесть.

— Значит, помнит руками.

Спорить с этим Вета не стала.

На улице уже звонили к открытию лавок. Ей надо было успеть в цех до разбора утренних заявок. Она оставила Нель копию записи, а подлинник свернула и запечатала своей охотничьей печатью. Тарен проводил её до порога.

— Если из-за меня отнимут знак, — сказал он тихо, — я не смогу тебя нанять снова.

— Вы меня и сейчас не нанимали.

— Значит, будешь работать бесплатно?

— Значит, цеху придётся объяснить, почему его петля взяла больше, чем обещала.

— Ты не ответила.

Она посмотрела на рабочие крюки у двери, на маленькие сапоги Ивы под лавкой, на почти пустой мешок крупы. Тарен спрашивал не о справедливости. Он спрашивал, будет ли рядом человек с камертоном, когда следующая верёвка заговорит его именем.

— Без знака меня не пустят на цеховые дороги, — сказала Вета. — И ни один официальный запрет не примут.

— Тогда постарайся его не потерять.

Цех охотников занимал каменный дом, врезанный в склон между Верхним и Средним уступами. Над входом висели три медные пластины. На первой было выбито слово «Проверяй», на второй — «Называй», на третьей — «Отделяй». Ученикам объясняли: проверяй обещание, называй цену, отделяй настоящее чудо от страха и обмана.

Вета пришла сюда в четырнадцать лет с отцовским камертоном и в сапогах на два размера больше. Савен Рог тогда заставил её три дня сортировать поддельные обереги, прежде чем позволил коснуться действующего знака. Она ошиблась семь раз в первый день, два во второй, ни разу в третий. На четвёртый он сказал, что у неё слух не лучше, чем у других, зато руки не торопятся поверить ушам.

Теперь, поднимаясь по знакомым ступеням, она впервые прочитала пластины как обвинение.

У входа ждали шестеро. Пекарь принёс камень, который якобы сохранял хлеб мягким. Две сестры спорили из-за материнского напёрстка: одна утверждала, что он шьёт сам по ночам, другая требовала снять проклятие. Хозяин постоянного двора держал в клетке ворона с белым пером. Последним стоял мальчик лет двенадцати с полотняным мешком, прижатым к животу.

Дежурный писарь, худой Ораст, увидел Вету и поманил пальцем.

— Старший ждёт.

— Сначала очередь.

— Он сказал сразу.

— Я сказала вчера, что мост остаётся закрытым до повторной проверки. Это тоже должно было попасть в утреннюю книгу.

Ораст опустил глаза.

— Попало.

— И?

— Савен ждёт.

Сёстры у двери начали спорить громче. Пекарь постучал камнем по ладони. Вета сняла куртку и повесила на крюк.

— Пять минут на каждого. Мальчика первым.

— У тебя нет времени.

— У него, возможно, тоже.

Мальчик шагнул к столу. Из мешка донёлся слабый скрежет.

— Что там?

— Печная заслонка. Она говорит голосом деда.

— Дед жив?

— Умер зимой.

— Что говорит заслонка?

— Что в доме холодно, потому что мама продала его инструменты.

Женщина за спиной мальчика охнула. Вета не стала спрашивать, правда ли мать продала инструменты. Правда была не в словах заслонки, а в том, откуда они брались.

Она велела положить мешок на каменную плиту. Надела кожаные перчатки, развязала шнурок и отступила. Заслонка была ржавая, с медным кольцом. На саже виднелись четыре буквы, нацарапанные детской рукой.

— Ты писал имя деда?

Мальчик кивнул.

— Когда?

— После похорон. Чтобы он знал, где его печь.

Вета постучала по кольцу деревянной ручкой. Металл ответил хриплым голосом:

— Холодно... инструменты...

Слова повторились точно, с тем же промежутком. Не голос покойного, а воздух, проходящий через щель между двумя пластинами. Тяга шевелила тонкий язычок внутри кольца. Кто-то подпилил его так, чтобы свист напоминал несколько слогов. Остальное достраивал тот, кто хотел услышать.

Вета сняла кольцо, показала мальчику язычок и дала подуть самому. Получился тот же хрип.

— Значит, дед не сердится? — спросил он.

— Эта заслонка ничего о нём не знает.

— А имя?

— Царапина. Она не светится, не греется и не держит слово. Кто сделал кольцо?

— Сосед. Сказал, дед велел купить инструменты обратно.

— Сколько взял за заслонку?

Мальчик назвал цену недельного хлеба.

Вета записала имя соседа и велела Орасту вызвать городского мерщика. Это была обычная подделка: немного железа, чужое горе и точный расчёт на то, что ребёнок услышит знакомый голос там, где взрослый слышит сквозняк.

— Можно оставить? — спросил мальчик.

— Можно. Только не верь всему, что она говорит.

— А если скажет что-нибудь хорошее?

Вета сняла перчатки.

— Тогда реши сам, нужно ли тебе железо, чтобы это услышать.

Он ушёл, прижимая мешок уже не к животу, а к боку.

С камнем пекаря оказалось ещё проще. Внутри был кусок негашёной соли, вытягивавшей влагу. Хлеб рядом с ней дольше не плесневел, но никакого слова камень не держал. Напёрсток сам не шил: в стене между комнатами сестёр нашлась узкая щель, через которую младшая протягивала леску и пугала старшую, надеясь выкупить её долю дома дешевле. Ворон потерял белое перо во время проверки — хозяин приклеил его рыбьим клеем и хотел брать плату за предсказания.

Каждую подделку Вета разбирала одинаково. Сначала не давала владельцу рассказать длинную историю, потому что история подсказывала, чего бояться. Потом искала обычную причину: груз, пружину, соль, скрытую нитку, человеческую руку. Затем слушала камертоном.

Если зубы не ныли и металл не отзывался вторым тоном, настоящего слова рядом не было. Только после этого задавала вопросы.

Так она зарабатывала на уголь, лекарку и хлеб.

С подделки брали малую пошлину. Третью получал охотник, треть цех, треть уходила дорожным стражам. Если находили действующее чудо, пошлина возрастала вчетверо, но половину забирал общий запас. Вета никогда не спрашивала, что именно лежит в том запасе. Считала, что верёвки, серебряные петли, зерно и деньги на вдов. Теперь длинная насечка на коже Лиса стояла перед глазами всякий раз, когда Ораст ставил печать возле этих слов.

— Всё? — спросила она.

Писарь указал на последний лист.

— Жалоба с Нижнего уступа. Колодец исполняет просьбы.

— Какие?

— Люди просят воду подняться, и она поднимается.

— Верёвку тянут?

— Говорят, нет.

— Кто платит за проверку?

— Водоносы. После полудня.

Вета взяла лист. За такой выезд полагалось двенадцать медяков, если чудо окажется ложным, и сорок, если настоящим. Сорок покрыли бы лекарку матери и сухой уголь на пять дней.

— Запиши за мной.

— Савен может тебя отстранить.

— Пока не отстранил.

Ораст не поднял пера.

— Он велел не выдавать тебе новых дел до разговора.

За дверью внутренней лестницы звякнул металл. Савен стоял на верхней площадке и смотрел вниз. На нём был длинный серый кафтан без украшений, только серебряный знак старшего у ворот. Волосы он стриг коротко, седая борода закрывала старый шрам на подбородке.

— Ты заставила меня ждать ради приклеенного пера, — сказал он.

— Ради четырёх людей, которые пришли раньше меня.

— Поднимайся.

Его кабинет находился над залом испытаний. В комнате было два окна, шкаф с журналами и широкий стол из чёрной сосны. Вета знала каждую царапину на нём. Здесь ей выдали ученический жетон, потом медный знак помощника, потом лицензию охотницы. Здесь же Савен однажды положил перед ней поддельную справку об отцовской скобе и сказал, что мёртвых нельзя оправдать ложью, даже если семье станет легче.

Сейчас на столе лежал её вчерашний запрет с красной поперечной чертой.

— Мост открыли для пешеходов, — сказал Савен.

— Кто снял запрет?

— Я.

— Без повторной проверки несущего быка?

— Дорн прислал расчёт. Две цепи приняли вес. Телеги пойдут после полудня, если ты подтвердишь знак.

— Не подтверждаю.

— Тогда пойдёт другой охотник.

— Он услышит то же удержание.

— Удержание там и должно быть.

Вета вынула запечатанный лист Тарена и положила на стол, не выпуская из пальцев.

— На петле было имя рабочего и цена в один год. Он согласился держать площадку. Цену ему не назвали.

Савен не потянулся к листу.

— Кто видел строку?

— Я. Дорн. Лис. Тарен.

— Твой брат разбирает цеховые метки?

— Он умеет читать своё имя.

— Значит, имя было открыто.

— Внутри плетения. Оно проявилось после оплаты.

Савен сложил руки на столе.

— Ты разрежала петлю во время удержания.

— После того как поставили обычные цепи.

— И всё же нарушила действующий знак. Строка могла исказиться.

— Она начала звучать до разреза.

— У тебя есть петля?

— Её забрал дорожный мастер.

— Имя мастера?

— Человек с описью из вашего ящика.

— Из нашего ящика, Вета. Ты всё ещё носишь наш знак.

Он произнёс это спокойно. Так мастер кладёт ладонь на верёвку перед тем, как другой человек попробует её перерезать.

— Ящик был запечатан, — сказала Вета. — Значит, либо петлю вплели здесь, либо кто-то умеет ставить вашу печать.

— Нашу.

— Цеховую.

Савен наконец взял лист. Вета позволила развернуть его, но придержала нижний край. Угольный отпечаток был бледнее, чем ночью, однако имя и слова ещё читались.

Старший посмотрел не на строку, а на печать Веты.

— Подлинник?

— Да.

— Оставь для разбора.

— Снимите копию при мне.

— Ты сомневаешься в хранении улики?

— Вчера действующая петля исчезла раньше, чем я закончила проверку.

— Её доставят.

— Когда?

— Когда дорожная служба закончит собственную опись.

Вета свернула лист.

— Тогда и я передам подлинник.

Савен откинулся на спинку кресла. Он не повысил голоса, и от этого Вете стало тревожнее.

— Пятнадцать лет назад ты пришла сюда и потребовала проверить скобу, из-за которой погиб твой отец. Помнишь?

— Да.

— Все говорили, что металл был заклят. Я показал тебе пустую насечку и плохую сварку. Не дух горы, не проклятие, не месть. Дешёвое железо. Тебе было больно, но ты выбрала факт. Поэтому я тебя учил.

— И поэтому я принесла этот лист.

— Нет. Ты принесла вывод. Факт в том, что Тарен Вир произнёс слово добровольно. Факт в том, что площадка не упала. Факт в том, что после твоего вмешательства он не помнит часть жизни дочери. Причину установит разбор.

— Строка назвала причину.

— Строка, снятая углём с разрезанного плетения.

Вета поняла его приём. Он не лгал. Он расставлял бесспорные камни так, чтобы между ними исчезла тропа.

— На время разбора остановите выдачу петель этого плетения.

— Нет.

— Почему?

— Потому что три перевала держатся на временных словах после дождей. Потому что Северный уступ получает зерно через мост. Потому что люди, которых ты сегодня защитила от говорящей заслонки, завтра потребуют хлеба.

— Они потребуют ещё и свои годы.

— Если связь подтвердится, мы изменим порядок согласия.

— Человек не соглашался на год.

— Я услышал тебя с первого раза.

Внизу пробили десятый час. Звук прошёл сквозь пол, и камертон в футляре ответил едва заметной дрожью.

Савен открыл ящик стола и вынул деревянную дощечку с тремя прорезями. В верхней лежали семь серебряных кругов, в средней — три медных, нижняя была пуста. Вета узнала цеховую счётную доску.

— Семь подтверждённых проверок за этот месяц, — сказал он. — Три ложных тревоги. Ни одного взыскания. Хорошая работа.

Он переставил один серебряный круг в сторону.

— Твоя доля за мост должна составить двадцать восемь медяков. Но из-за остановки движения цех удерживает ущерб до разбора.

— Удерживайте.

— Долг за материнское лекарство записан на лицензию. Ещё два месяца просрочки — и домовая мастерская перейдёт цеху до выплаты.

Вета знала это. Сама поставила подпись зимой, когда у Рины начался жар и лекарь отказался давать порошки в долг. Тогда двадцать серебряных казались суммой, которую легко вернуть весенними проверками. Потом сошла лавина, две дороги закрылись, заказов стало меньше.

— Вы угрожаете моей матери?

— Напоминаю, от чего зависит твой дом. Угроза — это когда цену прячут.

Слова ударили точнее пощёчины.

— Значит, моя цена названа?

— Полностью. Передай отпечаток, подтверди безопасность моста после осмотра и получи свою долю. Разбор продолжится без шума. Откажись — я отстраню тебя на десять дней за нарушение действующего знака. Дальше решит совет.

— А петли продолжают выдавать?

— Да.

— Тогда это не разбор.

— Это управление дорогами.

Вета посмотрела на три пластины, висевшие уменьшенной копией над шкафом. Проверь. Называй. Отделяй. Раньше эти слова казались ей ступенями одного ремесла. Теперь между ними стояли двери, и ключи были у Савена.

Она могла согласиться. На мосту поставлены цепи. Тарен жив. Отпечаток зарегистрируют, пусть и спрячут в шкаф. Двадцать восемь медяков купят лекарства, уголь и муку. Через десять дней она проверит колодец, ещё через месяц закроет долг. А пока сумеет искать осторожно.

Так рассуждал человек, который кормил семью.

Охотница видела другое: если сегодня она подпишет безопасность, завтра её подпись предъявят Тарену как доказательство, что цена была обычной. Когда Лис забудет ещё один год, ей скажут, что собственная сестра подтверждала те же петли.

— Я осматриваю обычные цепи, — сказала она. — Если они держат, открою мост без слова. Удерживающую петлю безопасной не признаю. Подлинник оставлю у себя до появления самой петли.

Савен вернул серебряный круг в прорезь.

— Тогда с этой минуты ты отстранена от новых заявок и цеховых дорог на десять дней.

— Осмотр моста назначен до отстранения.

— Его проведёт другой.

— Кто?

— Я ещё не решил.

— Ораст уже получил приказ не выдавать мне дела до разговора. Значит, вы решили отстранить меня до того, как увидели отпечаток.

Впервые за весь разговор Савен отвёл взгляд. Всего на мгновение — к окну, где над крышами тянулись грузовые тросы.

— Я решил не позволять одному охотнику останавливать дороги, пока он напуган семейной бедой.

У Веты похолодели ладони.

— Какой семейной бедой?

Савен снова посмотрел на неё.

— Твой брат был на мосту. Ты сама это сказала.

— Только что. Ораст получил приказ раньше.

Молчание длилось два удара башенных часов.

— В городе быстро ходят слухи, — ответил Савен.

— Быстрее меня с Верхнего уступа?

— Сдай знак.

Она расстегнула булавку на вороте. Медный круг был потёрт по краям, на обороте стояли её имя и номер: Вета Орс, сорок седьмая лицензия. Без него она оставалась человеком с камертоном. Её не пустят за ограждение, не дадут трогать дорожный знак, не примут запрет, не выплатят пошлину. Мать лишится лекарств, если десять дней растянутся на месяц. Лису придётся брать лишние смены именно на тех дорогах, которых она больше не сможет проверять.

Вета положила знак на стол.

Савен накрыл его двумя пальцами.

— Футляр тоже.

— Камертон отцовский.

— Поверочный мел, серебряная игла и печать принадлежат цеху.

Она вынула инструменты и разложила рядом. Камертон оставила в сумке. Савен не спорил.

— Через десять дней явишься на совет, — сказал он. — Если до того не станешь мешать дорожным работам, получишь знак обратно.

— А если найду ещё одно скрытое имя?

— Без лицензии ты не имеешь права его искать.

— Право и слух — не одно и то же.

— Вот поэтому я и выбрал десять дней, а не лишение навсегда. Чтобы ты успела вспомнить разницу.

Вета вышла, не хлопнув дверью. В нижнем зале Ораст уже передал жалобу на колодец другому охотнику. Сёстры с напёрстком стояли у стены, прижавшись плечами, и впервые не спорили. Пекарь спрятал соляной камень в карман. Все видели пустое место на воротах Веты.

На улице город звучал иначе. До этого она различала в каждой скрипе возможность работы: неверно натянутый трос, тайную пружину, поддельный шёпот. Теперь звуки остались, а права ответить на них не было.

У нижней лестницы её догнал Ораст.

— Вета.

Она обернулась.

Писарь протянул ей лист жалобы на колодец.

— Я не могу взять.

— Я уронил. Ты нашла.

— За это снимут тебя.

— Не снимут. Писарей не хватает.

— Зачем?

Ораст посмотрел на окна кабинета старшего.

— Водоносы написали, что после каждой исполненной просьбы кто-то забывает дорогу к колодцу. Я подумал, тебе стоит знать.

Она взяла лист.

Внизу стояли двенадцать имён и одна общая отметка: «Просим проверить до вечернего набора воды».

— Ты видел такие жалобы раньше?

— Не с колодцами. С лестницей на Третьем уступе. С зерновым подъёмником. С подпоркой возле старого карьера.

— Кто проверял?

— Цех.

— Какой охотник?

— В книгах только итог: чудо подтверждено, опасности нет.

— Кто подписал?

Ораст сглотнул.

— Старший.

Сверху открылась створка. Они одновременно отступили под каменный навес.

— Иди, — сказала Вета. — Ты ничего мне не давал.

Писарь поспешил обратно.

Вета осталась у лестницы с чужой жалобой в руке. На другом конце уступа ударили молотки мостовщиков. Значит, движение действительно готовили открыть. Она подумала о Тарене, которому нужна смена, о матери, считавшей медяки, о Лисе с восемью насечками на коже. Савен сделал зависимость ясной: знак в обмен на молчание, хлеб в обмен на подпись, дорога в обмен на год, которого никто не назвал.

У охотницы не было лицензии. Остались камертон, отпечаток и десять дней до совета.

Она сложила жалобу на колодец вчетверо и пошла не домой, а к Нижнему уступу.

Глава 4. Слово держит камень

До Нижнего уступа вели две дороги. По широкой спускались телеги: три поворота, каменные отбойники, караульная будка у грузовой клетки. По короткой ходили водоносы и те, кому нечем было платить за подъём. Она состояла из ста восьмидесяти трёх ступеней, вырубленных прямо в склоне. Вета знала число, потому что в ученичестве проверяла здесь слух о шагах мертвеца и трижды поднималась снизу, пока не нашла под лестницей расшатанный водосток.

Сегодня на семьдесят шестой ступени её остановил дорожный страж.

— Знак.

Вета машинально коснулась пустого места у ворот.

— Я иду к водоносам. Не на цеховую дорогу.

— Лестница тоже цеховая.

— Вчера не была.

Страж перевернул дощечку на цепи. На одной стороне значилось: «Проход свободен». На другой свежей красной краской вывели: «Осмотр удержаний. Только служебные».

— Приказ старшего, — сказал он. — С полудня.

До полудня оставалось ещё четверть часа. Краска не успела высохнуть и оставила красное пятно на его рукаве.

— Кто проводит осмотр?

— Мостовщики.

— Лестницы?

— Подпорки под лестницей. Иди грузовой дорогой, если надо вниз.

Вета посмотрела за его плечо. По ступеням поднимались две женщины с пустыми коромыслами. Страж пропустил их молча.

— У них есть знаки?

— Они работают.

— Я тоже.

— Уже нет.

Он произнёс это без злости. Оттого слова оказались тяжелее. Ещё утром любой страж уступил бы Вете место у ограждения и спросил, чем помочь. Теперь перед ним стояла горожанка с частным камертоном и бумагой, которую писарь будто бы уронил.

Вета пошла к широкой дороге.

Нижний уступ лежал под городом широкой серой полкой. Здесь сходились водосборные желоба, стояли дубильни, прачечные и мастерские, которым требовалось больше воды, чем света. Над крышами тянулся белёсый пар. С отвесной стены за домами свисали семь деревянных труб; весной они ревели, сейчас только три выпускали тонкие струи в общий канал.

Грузовая дорога огибала склон далеко к востоку. Вета шла быстро, но время всё равно уходило. Навстречу тянулись ослы с пустыми корзинами, за ними — телега с мешками извести. Возчик узнал её и придержал лошадь.

— Мост открыт? — спросил он.

— Для пешех.

— А когда телеги?

— Не знаю.

— Ты же закрывала.

— Я больше не веду проверку.

Он посмотрел на пустой ворот и понимающе присвистнул.

— Значит, откроют скоро.

— Почему?

— Потому что мешать больше некому.

Вета хотела сказать, что обычные цепи действительно держали площадку. Что закрытая дорога тоже имеет цену: мука дорожает, уголь не доезжает, рабочие теряют смены. Но возчик уже тронул поводья. Его ответ был не обвинением, а удобной уверенностью. Нет охотничьего знака — нет опасности.

Первый толчок пришёл снизу.

Подошвы ощутили его раньше, чем уши. Камень под ногами дрогнул, словно дорога на мгновение стала натянутой кожей. Лошадь вскинула голову. Из корзин посыпалась белая пыль.

— К стене! — крикнула Вета.

Возчик потянул поводья в неверную сторону, к внешнему краю. Она схватила лошадь под уздцы и дёрнула к склону. Второй толчок был сильнее. Над дорогой хрустнуло.

У каждого обвала есть короткая тишина между первым камнем и остальными. Человек слышит щелчок, поднимает голову и ещё верит, что может понять, куда бежать. Вета привыкла пользоваться этой тишиной.

Она увидела светлую полосу на тёмной стене. Трещина шла от старого водостока к железной скобе, на которой держался защитный навес. Из неё сыпался песок.

— Телегу бросай. В нишу!

В склоне в двадцати шагах была вырублена дождливая ниша. Возчик спрыгнул, но нога запуталась в вожжах. Вета перерезала ремень ножом. Они втроём — человек, женщина и обезумевшая лошадь — втиснулись под каменный козырёк, когда на дорогу упал первый обломок.

Он был величиной с печь. Удар расколол край полотна. Следом посыпались мелкие камни, потом сверху двинулась целая плита. Телега исчезла в облаке извести. Один мешок разорвало, и белая пыль смешалась с серой, будто склон внезапно поседел.

Лошадь била копытом по ноге Веты. Возчик обнял её за шею и повторял одно и то же имя — кажется, её кличку. Грохот длился меньше минуты. Потом дорогу закрыло от стены до края.

— Живы? — спросила Вета.

Возчик кивнул, не отпуская лошадь.

За завалом кричали. Кто-то звал ребёнка, кто-то требовал верёвку. Вета выбралась из ниши. Левая голень ныла, но кость выдержала. Видимость возвращалась медленно. В известковой мгле проступили люди: двое у караульной будки, женщина возле перевёрнутой тачки, мальчик под деревянным навесом. Все двигались.

Завал ещё не лёг. Его середина оседала мелкими рывками. Сверху торчала половина старого водостока, а под ним висел отделившийся от стены каменный лоб. Он держался на узкой перемычке. Если та сломается, глыба снесёт будку, край дороги и лестницу, по которой только что шли водоносы.

— Уводите людей вниз! — крикнула Вета. — Не через лестницу. К грузовой клетки!

Страж у будки узнал её.

— Где знак?

— Под камнем поищешь. Гонца за мостовщиками!

— Я должен закрыть дорогу.

— Она уже закрыта.

Он побежал вверх. Второй страж повёл людей к грузовой клетки — большой платформе, которую поднимали между уступами воротом. Но клеть стояла внизу, а канат без груза полз слишком медленно.

Вета приблизилась к завалу. Камертон в сумке дрожал. Не звенел от ударов, а отвечал тонким вторым голосом, который ощущался в зубах. Здесь было удержание.

Она сняла футляр, вынула отцовский инструмент и поднесла к скале. На бронзовых рожах выступила пыль. Второй тон шёл не из свежего разлома, а из железной скобы под водостоком. Вета смахнула грязь рукавом. На скобе было выбито одно слово: «Терпи».

Старая дорожная клятва. Такие ставили после лавины двенадцать лет назад. По правилу её должны были погасить сразу, когда возвели каменный отбойник. Вместо этого слово оставили в склоне, как оставляют гвоздь в доске: вдруг ещё пригодится.

Под крупными буквами виднелась тонкая сетка царапин. Имена.

Вета не успела прочитать ни одного. Перемычка над дорогой треснула. Каменный лоб опустился на ладонь и замер.

Слово на скобе потемнело, будто железо глотнуло масло.

Где-то сейчас человек лишился памяти.

— Не трогай!

Дорн Край шёл по завалу, широко ставя ноги. За ним мостовщики несли винтовые подпорки, канаты и деревянные лапы. Старший мостовщик был без шапки, седая прядь прилипла ко лбу. Он спрыгнул на дорогу, оттолкнул руку Веты от скобы и приложил к камню костяшки пальцев.

— Двигается, — сказал он.

— Я вижу.

— Тогда убери людей.

— Клеть ещё внизу. На лестницу упадёт край.

Дорн оглянулся на своих.

— Две лапы под восточное ребро. Канат через верхнюю серьгу. Не становиться под лбом. Ян, слышал? Не под лбом!

Люди разошлись. Они не спрашивали, есть ли у Веты знак. Обвал уравнивал должности быстрее решения цеха.

— На скобе чужие имена, — сказала она.

— Потом.

— Она уже берёт.

— Поэтому потом может наступить.

Дорн бросил ей конец каната.

— Умеешь вязать встречную петлю?

— Лучше тебя.

— Сегодня можешь хвастаться, если руки не заняты.

Они завели канат за обломок водостока. Двое мостовщиков прикручивали первую лапу к дороге, но камень под пятой крошился. Винт проседал. Вторая опора не проходила между завалом и внешним краем.

— Перевести клеть под лестницу! — приказал Дорн. — Если сорвётся, пусть примет мелочь.

— Там люди, — сказала Вета.

— Поэтому сначала людей в клеть.

Снизу ответил колокол. Платформа начала подниматься. На ней стояли водоносы, возвращавшиеся с полными вёдрами. Они смотрели вверх, не понимая, почему им машут руками.

Перемычка хрустнула ещё раз.

Скоба со словом «Терпи» вспыхнула тусклым синим светом. По мелким царапинам побежали искры. Вета различила часть имени: «Сора М...» — и увидела рядом поперечные насечки. Четыре короткие, одна длинная.

— Пять лет, — сказала она.

Дорн обернулся.

— Что?

— С одного имени уже взяли пять лет. Возможно, не сегодня. Сейчас строка ищет следующего.

— Можешь остановить?

— Разрезать слово можно. Тогда камень пойдёт сразу.

— Значит, не можешь.

У неё не было серебряной иглы. Не было поверочного мела, печати, людей за ограждением и права приказывать. Был только камертон, который показывал, как чужая жизнь уходит в старое железо.

Клеть поднялась до дороги. Стражи стаскивали водоносов, заталкивали на платформу тех, кто оказался над завалом. Возчик отказался заходить без лошади. Его ударили, вырвали повод и втянули внутрь обоих. Мальчик под навесом плакал без звука.

— Две минуты, — сказал Дорн, глядя на перемычку. — Может, меньше.

Первая лапа встала, но слишком низко. Она удержала бы край, не сам лоб. Вторую пришлось собирать из двух коротких винтов. Ян, молодой мостовщик с красным шарфом, затянул соединение и выругался: резьба была сбита.

— Другой!

— Другой наверху.

— Гонец где?

— Побежал.

Дорн посмотрел на клеть. Та была заполнена лишь наполовину. Канат тянул её вверх мучительно медленно. Потом он посмотрел на скобу.

Вета узнала этот взгляд. Так человек оценивает доску над пропастью: выдержит ли его вес, хватит ли длины, успеет ли тот, кто идёт следом. Только вместо доски перед Дорном было слово.

— Нет, — сказала она.

— Я ещё ничего не предложил.

— Ты посмотрел.

— А ты слышала.

Он снял с пояса кожаный браслет мостовщика. На внутренней стороне были выжжены имена жены и дочери: Эна, Рада. Вета видела браслет раньше и считала обычной семейной вещью.

— Скоба старая, — сказал Дорн. — Она примет прямое слово, если назвать связанное воспоминание.

— Или снимет год с имени под ним.

— Поэтому ты закроешь строку.

— Чем? У меня забрали инструменты.

Он вынул из сумки моток медной проволоки и мостовой гвоздь.

— Медью обведёшь мелкую резьбу. Гвоздь поставишь поперёк. Пока моё слово звучит, чужая строка не доберётся до имён.

— Ты не знаешь, что она возьмёт.

— Знаю правило.

— Правило говорит «связанное воспоминание». Не год, не день. Скоба сама выберет связь.

— Тогда я назову точнее.

— Дорн.

Он застегнул браслет на руке и посмотрел на неё спокойно, почти сурово.

— Вета, на клетки девятнадцать человек. Ещё шестеро у будки. Лапу мы не успеваем собрать. Мне нужно удержать этот камень на время одного подъёма. Скажи, что должно быть сказано честно.

Она хотела запретить. У неё больше не было права на запрет, но дело было не в знаке. Она знала цену знания: если объяснит, как работает скоба, то поможет человеку отдать часть

себя. Если промолчит, старая строка возьмёт память у того, чьё имя вписали без спроса. Или камень упадёт прежде, чем клеть уйдёт.

Открытая жертва не становилась доброй. Она лишь принадлежала тому, кто её выбирал.

— Назови, кого защищаешь, — сказала Вета. — Сколько времени просишь. Что отдаёшь. Не говори «всё» и «что угодно». Скала любит широкие слова, потому что в них можно забрать больше.

— Достаточно?

— Нет. Скажи вслух, что понимаешь: воспоминание не вернётся.

Дорн кивнул.

— Обведи имена.

Вета размотала проволоку. Пальцы дрожали от удара и пыли. Она продела медь между скобой и камнем, замкнула вокруг мелкой строки, потом поставила гвоздь поперёк имён. Без мела нельзя было проверить плотность замыкания. Камертон ответил чистым низким тоном: чужая строка отступила, но не исчезла.

— Пока держу гвоздь, — сказала она. — Если вырвет, слово снова пойдёт по именам.

— Не отпускай.

— Не собиралась.

Дорн встал лицом к скале. Люди рядом замолчали не сразу. Ян продолжал ругаться над резьбой, страж звонил в колокол, снизу кричали водоносы. Потом каменный лоб осел ещё на палец, и все звуки как будто отступили.

Дорн положил обе ладони на скобу.

— Я, Дорн Край, держу этот камень, пока клеть не поднимется выше лестницы. Держу ради тех, кто не успел уйти, и ради своих мастеров. Плачу своим воспоминанием о рождении дочери Рады. Я помню его сейчас. Знаю, что после слова не буду помнить. Согласен сам. Стой.

Последнее слово не прозвучало громче остальных.

Но гора ответила.

У Веты свело зубы. Камертон выгнулся у неё в ладони, словно стал мягким. Синяя полоса прошла от скобы вверх по трещине. Каменный лоб остановился. Не лёг на подпорки, не прирос к стене — просто застыл, удерживаемый произнесённым словом.

Дорн дёрнулся. На миг его лицо стало совсем пустым. Потом он втянул воздух и крепче упёрся ногами.

— Клеть! — крикнула Вета.

Люди снова задвигались. Страж ударил в колокол три раза. Ворот наверху заскрипел быстрее. Платформа поползла мимо края дороги, миновала лестничную площадку. С неё смотрели двадцать пять лиц. Возчик прижимал к себе морду лошади. Мальчик держал чужую руку.

— Выше! — кричал Ян. — Ещё две сажени!

Дорн молчал. Под его ладонями синело железо. Вета держала гвоздь. Мелкие имена под медной петлёй шевелились перед глазами, как муравьи. Слово пыталось найти более лёгкий путь. Ей казалось, что скоба знает: рядом стоит человек, уже назвавший цену, и всё равно предпочла бы взять у отсутствующего. Не из злобы. Так вода выбирает трещину, а груз — слабую верёвку.

Клеть поднялась выше лестницы.

— Хватит! — сказала Вета. — Дорн, отпусти слово. Скажи: «Моё удержание окончено».

Он не ответил.

— Дорн!

Его пальцы побелели. Камень держал его не меньше, чем он камень.

Вета прижала камертон к скобе. Второй тон бился рядом с основным. Если разбить их не вовремя, глыба сорвётся. Если оставить, скоба продолжит брать память: рождение Рады было не мгновением, а целым годом вокруг него, сотней связанных дней.

— Цена названа и принята, — сказала Вета, ударяя по камертону ногтем. — Срок назван и прошёл. Чужого не брать. Сказавшего не держать. Удержание окончено.

Дорн выдохнул:

— Моё удержание окончено.

Синий свет погас. Глыба рухнула на подпорки.

Первая лапа сломалась сразу. Вторая согнулась, но отвела камень к стене. Край обрушился на пустую лестничную площадку. По дороге покатались обломки. Один ударил Вету в плечо, другой выбил гвоздь. Она упала на колени, закрыв голову руками.

Когда шум стих, скоба лежала рядом, вырванная из камня. Медная петля осталась на ней. Мелкая строка была цела, но свет больше не бежал по именам.

Дорн сидел у сломанной лапы. Ян тряс его за плечо.

— Старший, слышишь? Где больно?

— Не тряси, — сказал Дорн. — Слышу.

— Сколько пальцев?

— У тебя? Могу уменьшить, если не отойдёшь.

Ян засмеялся слишком громко. Мостовщики начали осматривать руки и ноги старшего. Крови не было. Вета подняла скобу, завернула её в собственную куртку и подошла.

— Что помнишь? — спросила она.

Дорн посмотрел на неё с раздражением.

— Не здесь.

— Нужно понять, закрылось ли слово.

— Оно закрылось.

— Откуда знаешь?

Он поднял левую руку. На браслете темнели два имени.

— Эна — жена. Рада — дочь. Двадцать лет. Живёт на Верхнем уступе, чинит часы. Ненавидит грушевый кисель, любит грозу, сломала передний зуб в девять лет, потому что решила перепрыгнуть водосборный канал. Её мать была в ярости. Я тоже.

— А рождение?

Дорн открыл рот и замолчал.

Вокруг уже стучали молотки. Стражи пересчитывали людей. Сверху спускалась новая бригада с длинной винтовой лапой. Жизнь торопливо заполняла место, где только что могла оборваться.

— Зима, — сказал Дорн наконец. — Кажется, зима.

— Рада родилась в конце лета, — тихо произнёс Ян.

Дорн посмотрел на него.

— Ты откуда знаешь?

— Мы каждый год пьём за неё после ярмарки канатов.

— Значит, конец лета.

— Не подсказывай ему, — сказала Вета.

Ян отступил.

Она села на обломок напротив Дорна.

— Помнишь, где был?

— В работе.

— Какой?

— Не знаю.

— Кто сообщил?

Он провёл ладонью по лицу. На коже осталась белая полоса извести.

— Я должен был быть рядом.

— Это предположение.

— Я был рядом со всеми детьми своих мастеров.

— С Радой как было?

Дорн посмотрел на имя на браслете так, будто буквы принадлежали незнакомцу.

— У меня есть дочь. Я знаю её. Но откуда она взялась в моей жизни — нет.

Сказанное оказалось страшнее крика. Он не забыл Раду, её привычки, лицо, работу. Исчезла дверь, через которую он когда-то вошёл в отцовство. Теперь все последующие годы начинались посреди комнаты.

— Ты назвал цену сам, — сказала Вета. — При свидетелях. Скоба взяла то, что было названо. Не больше, насколько я слышу.

— Ты оправдываешь железо?

— Нет. Отделяю случившееся от того, что сделали с Тареном и Лисом.

— Мне от этого должно стать легче?

— Нет.

Он кивнул, принимая ответ.

К ним подошёл страж, тот самый, который не пустил Вету на лестницу. Теперь на его красном рукаве лежал слой серой пыли.

— Охотница Орс, старший Край, нужно записать удержание.

— Я не охотница на службе, — сказала Вета.

— Но ты проводила слово.

— Я закрывала чужую строку.

— Для книги нужен знак.

— Мой знак у Савена.

Страж растерялся. Обвал произошёл, люди спасены, память уплачена, а нужного кружка меди не было. Без него событие словно не помещалось в цеховую книгу.

— Запиши свидетелей, — сказал Дорн. — И точные слова. Я подпишу.

— Это будет частное удержание.

— Оно и было частным. Я отдал своё.

— На цеховой скобе.

Дорн протянул руку к завёрнутому железу.

— На цеховой скобе были чужие имена. Это тоже запиши.

Страж посмотрел на Вету.

— Покажите.

Она развернула край куртки. При дневном свете мелкая строка читалась лучше. Имена шли в три ряда, некоторые были перечёркнуты, возле других стояли насечки. Вета насчитала восемнадцать человек. Под именем Соры Мей было пять отметок. Последним значился Лис Орс.

Насечек рядом не было.

Пока не было.

— Эта скоба стояла здесь двенадцать лет, — сказал страж. — Я каждый день мимо ходил.

— И не обязан был читать то, что спрятали с обратной стороны, — ответила Вета.

— Кто их вписал?

— Тот, у кого были имена общего запаса.

Страж побледнел. Такое название знали все служащие, но каждый представлял под ним деньги, верёвки, железо, муку — вещи, которые можно сложить на складе.

— Отнесём старшему, — сказал он.

— Нет.

— Это цеховое имущество.

— Это доказательство.

— У вас нет знака, чтобы его хранить.

— А у тебя нет приказа, чтобы отнять.

Страж оглянулся на подходящую бригаду. Вместе с ней спускался человек в сером охотничьем плаще. Не Савен — один из старших проверяющих, Кел Жар. Он уже увидел Вету и ускорил шаг.

Дорн поднялся. Его качнуло, но он удержался.

— Скобу беру я, — сказал он.

— Зачем?

— Для разбора обвала. Без неё нельзя понять, почему старая перемычка считалась безопасной. Мостовой цех имеет такое право.

— Дорожный цех тоже, — возразил страж.

— Пусть спорит со мной, а не с отстранённой охотницей.

Он забрал свёрток у Веты. Это было не спасение улики — только новая рука, из которой её придётся выбивать. Но сейчас Дорн назвал действие вслух и принял ответственность. После всего, что случилось, разница имела вес.

Кел Жар подошёл, переступая через камни.

— Орс, тебе запрещено работать на цеховых дорогах.

— Я шла к колодцу.

— С камертоном?

— Он мой.

— Кто провёл удержание?

— Я, — сказал Дорн.

— Охотник?

— Человек, который не хотел хоронить двадцать пять человек.

Кел оглядел сломанные лапы, пустую площадку и уходящую вверх клеть. Спорить о результате было трудно.

— Какова цена?

Дорн коснулся браслета.

— Моё воспоминание о рождении дочери.

Кел поморщился.

— Такие вещи не объявляют при рабочих.

— Почему?

— Потому что люди начнут бояться удержаний.

— Пусть боятся ровно того, что они стоят.

— Цену нужно записать в закрытую книгу.

— Цену слышали все, кого она спасла.

Люди вокруг действительно слушали. Водоносы стояли у верхней площадки клетки. Возчик гладил лошадь по белой от извести морде. Ян держал сломанный винт. Никто не благодарил Дорна. Благодарность пришла бы позже, если пришла бы вообще. Сейчас они смотрели на него и пытались понять, сколько места может занимать исчезнувшее рождение.

Кел повернулся к Вете.

— Ты вмешалась без лицензии. Старший узнает.

— Он и без тебя узнаёт быстрее, чем я говорю.

— Отдай камертон до совета.

— Нет.

Он шагнул ближе. Дорн встал между ними, и Кел остановился. Мостовщики за его спиной не угрожали, даже не подняли голов. Они просто продолжали собирать опоры, занимая дорогу целиком.

— Здесь нужен осмотр, — сказал Дорн. — Если хочешь быть полезен, проверь остальные старые скобы. Только сначала читай обратную сторону.

Кел не нашёл ответа, который не услышали бы все.

Колодец находился ещё на два поворота ниже, но Вета поняла, что сегодня к нему не попадёт. Плечо наливалось болью, левая штанина была порвана, а Кел наверняка приставит к ней стража. Главное — имя Лиса стояло на скобе, не связанной ни с северной подпоркой, ни с мостом. «Общий запас» оказался не одним удержанием. Его имя могли подводить к любой цеховой дороге.

Она подошла к Дорну, когда тот отдавал распоряжения новой бригаде.

— Почему ты знал, как говорить со скобой?

Он не сразу ответил.

— Потому что не впервые плачу сам.

— Сколько раз?

— Не здесь.

— Ты сказал это уже второй раз.

— И оба раза место было плохое.

— В мастерской Рины после заката.

Дорн посмотрел на неё внимательно.

— Лис будет?

— Если вернётся со смены.

— Тогда не в мастерской. Ему пока не нужно слышать всё.

Вета вспомнила просьбу брата: не превращать его жизнь в чужой пересказ.

— Это решит Лис.

Дорн сжал губы. Потом кивнул.

— Хорошо. Но скобу я до разбора не отдам ни тебе, ни Савену.

— Сделай отпечаток имён.

— У тебя же забрали мел.

— У водоносов есть уголь, у прачек — тонкая бумага. Цех не изобрёл трение.

Впервые после удержания он почти улыбнулся.

Они сняли три отпечатка. Один Дорн запечатал мостовой печатью. Второй отдал стражу для открытой записи происшествия. Третий Вета сложила вместе с жалобой на колодец. Кел видел это и ничего не сказал: слишком много свидетелей уже знали, что именно копируют.

Перед уходом Вета ещё раз посмотрела на разрушенную лестничную площадку. Старое слово «Терпи» лежало в куртке Дорна. Без него склон не казался крепче или слабее, чем прежде. Обычные люди ставили новые лапы, выбирали камень из резьбы, натягивали канат. Работа шла медленнее чуда и требовала больше рук. Зато ни одна подпорка не могла тайком выбрать себе чужое детство.

Дорн стоял рядом и смотрел вверх, где скрылась клеть.

— Я знаю, что был там, — сказал он неожиданно. — Когда Рада родилась. На браслете с внутренней стороны есть царапина. Я сделал её о край кровати, пока держал Эну за руку. Так она рассказывала.

— Ты помнишь царапину или рассказ?

— Царапину вижу. Рассказ помню. Самого дня нет.

— Не заполняй его тем, что тебе расскажут другие.

— Почему? Ты ведь записываешь, чтобы мы знали.

— Знать и помнить — не одно. Ты имеешь право знать, что случилось. Но если назовёшь чужой рассказ своей памятью, скоба заберёт ещё и правду о потере.

Он провёл большим пальцем по краю браслета.

— Тогда запиши точно. Я выбрал. Я знал цену настолько, насколько мог. Я спас людей. И я всё равно жалею.

Вета достала лист.

— Всё?

— Нет. Запиши: если кто-нибудь использует мой выбор, чтобы оправдать чужое имя на этой скобе, он лжёт.

Она записала дословно и дала ему прочитать. Дорн поставил подпись твёрдой рукой.

На обратном пути страж снова не пустил Вету на короткую лестницу. Теперь запрет имел смысл: нижняя площадка была разбита. Пришлось подниматься грузовой дорогой среди людей, которые уже пересказывали обвал.

В одном рассказе Дорн удержал целую гору одним словом. В другом Вета вырвала его память собственными руками. В третьем цех заранее знал об опасности и прислал лучших мастеров. До Среднего уступа оставалось два поворота, а случившееся уже успело стать тремя разными чудесами.

Вета не спорила с рассказчиками. Она несла под рубахой лист с точными словами Дорна и отпечаток восемнадцати имён.

Открытая цена не сделала чудо чистым. Не вернула Дорну рождение дочери и не укрепила склон навсегда. Но теперь цену знали те, кого спасли, тот, кто заплатил, и те, кто поставит следующую подпорку.

Цех больше не мог назвать её случайностью.

Глава 5. Мелкая строка

Мара Вель жила над переплётной мастерской, в комнате, где даже занавески были сшиты из испорченных листов.

На ткани проступали половины долговых расписок, перечёркнутые имена и печати, не принятые городской книгой. Когда ветер шевелил занавеску, буквы складывались в новые обещания и тут же распадались. Вета прежде считала это причудой писаря. Сегодня ей казалось, что комната предупреждает вошедшего: слова переживают руку, которая их написала.

Мара открыла дверь после третьего стука. На ней была белая рабочая рубаша с чернильным пятном у локтя. Тёмные волосы она собрала медной иглой.

— Если пришла жаловаться на Савена, занимай очередь, — сказала она. — Я жалуюсь на него с зимы.

— Мне нужно прочесть отпечаток.

— Тогда входи. Жаловаться будем во время работы.

В комнате стояли узкий стол, две табуретки и шкаф с книгами. На полке сохли глиняные дощечки. У окна лежали ножи для бумаги, лупа в костяной оправе, мотки нитей и блюдца с краской. Вета положила отпечаток скобы на стол, но Мара не коснулась его.

— Откуда?

— С подпорки Нижнего уступа. Сегодня был обвал.

— Я слышала колокол.

— Дорн удержал камень своим словом.

— Чем заплатил?

Вета ответила. Мара закрыла глаза всего на миг.

— Рада знает?

— Ещё нет.

— Тогда к вечеру узнает от торговки капустой. В этом городе чужую потерю разносят быстрее свежего хлеба.

Она взяла лист за углы и поднесла к окну.

— Уголь?

— У водоносов другого не было.

— Для лицевой резьбы достаточно. Для мелкой — хуже.

— Я вижу восемнадцать имён.

— Ты видишь то, что хотели позволить увидеть при случайном отпечатке.

Мара зажгла вторую лампу, хотя день ещё не кончился. Поставила лист на стеклянную пластину и подсветила снизу. Под чёрными строками проступили бледные вмятины. Они не совпадали с буквами.

— Бумага мягкая, — объяснила она. — Уголь берёт выступы, а нажим сохраняет глубину. Смотри сюда.

Вета наклонилась. Возле имени Соры Мей тянулась почти невидимая черта. На первый взгляд — царапина от камня. Под лупой она распалась на крошечные знаки.

— Это слова?

— Слова, написанные без промежутков. «До закрытия северной дороги, с правом переноса».

— Северная дорога не проходит у этой скобы.

— В том и дело. Основная клятва относится к одному месту. Мелкая строка разрешает перенос долга.

Мара положила рядом чистый лист и вывела крупно: «Сора Мей отдаёт год памяти для удержания северной дороги». Потом под именем написала тоньше: «или иной дороги по решению держателя записи».

— Если читать только первое, человек соглашается на понятную вещь, — сказала она. — Если прочитать всё, согласие превращается в разрешение брать где угодно.

— Но Сора могла видеть строку.

— Могла, если ей дали договор без сгиба, при хорошем свете, не торопили и объяснили, что «держатель записи» — не хранитель бумаги, а цех. А ещё если эта строка была на её листе в момент подписи.

— Её могли добавить позже?

— К обычной бумаге — да. К действующему имени сложнее. Нужен писарь дорожных клятв и исходная черта подписи.

— Такая, как ты.

Мара подняла взгляд.

— Такая должность, как у меня. Не такая рука.

Вета заметила, что сказала обвинение раньше, чем решила обвинять.

— Прости.

— Не спеши. Возможно, к концу вечера захочешь обвинить меня точнее.

Мара достала из шкафа плоскую коробку. В ней лежали учебные полоски металла. На одной крупно было вырезано: «Держи мост до рассвета». Под последним словом шла едва заметная насечка.

— Нас учили прятать служебные пометки, чтобы они не мешали основному слову, — сказала Мара. — Номер книги, срок осмотра, имя мастера. Без них нельзя понять, кто отвечает за знак. Но двадцать лет назад старшие обнаружили, что камень слышит мелкую строку не хуже крупной. И начали вписывать условия.

— Савен?

— Не он один. Тогда он ещё не был старшим.

— Ты знала про перенос чужой памяти?

Мара провела пальцем над учебной полоской, не касаясь букв.

— Я знала, что перенос существует. Его объясняли как защиту от случайной гибели дарителя. Допустим, человек согласился отдать память дороге, а дорогу успели укрепить обычным камнем. Чтобы жертва не пропала зря, запись переносят на другой опасный участок.

— Жертва не пропадает, если её не забрали.

— Сейчас я сказала бы так же.

— А тогда?

— Тогда мне было девятнадцать. Мой отец погиб на дороге, которую удержание не успело закрыть. Мне показали три деревни под склоном и спросили: позволю ли я пропасть уже данному слову, когда оно может спасти людей. Я сказала нет.

Вета села на табурет. Ответ не оправдывал систему, но делал её узнаваемой. Савен тоже говорил не о власти, а о хлебе, мостах и тех, кто окажется под камнем.

— Что ты подписала?

— Первые книги переноса. И несколько сотен мелких строк.

— С чужими именами?

— С именами тех, чьё согласие лежало в основной книге.

— Ты проверяла согласие?

— Видела подписи.

— Это не ответ.

— Тогда я считала, что ответ.

Мара не отвела глаз. Вета предпочла бы оправдание или ложь. С ними легче решить, кто стоит по другую сторону стола.

— Почему перестала?

— В одной книге нашла имя женщины, умершей за три года до своей подписи.

— Подделка?

— Настоящая подпись, снятая со старой расписки. Её перенесли вместе с нажимом и связали с именем. Я подала Савену замечание. Он сказал, что запись техническая и память с мёртвой не возьмут. Через месяц рядом появилась строка её сына.

— Ты сообщила совету?

— Савен и был советом по дорожным словам. Второй старший ослеп, третий уехал на Западный уступ. Я отказалась вести переносы и перешла в городские клятвы. С тех пор Савен считает меня обидчивой.

— А ты молчала.

— Да.

Вета ожидала спора. Мара лишь произнесла это снова:

— Я молчала.

За стеной переплётчик ударил прессом. стакан на столе подпрыгнул, чернила дрогнули.

— Почему помогаешь сейчас?

— Потому что молчание тоже оказалось строкой. Я думала, что ушла из книги. На деле оставила в ней пустое место, куда другие вписали что захотели.

Она вернула лупу к отпечатку.

Имя Лиса стояло последним. Крупные буквы казались свежими, но глубина под ними была неровной. Мара сделала боковое освещение и велела Вете медленно поворачивать стекло.

— Видишь хвост у буквы «с»?

— Двойной.

— Верхняя резьба новая. Нижняя старше. Имя не вписали на этой скобе. Его перенесли с другой записи.

— С северной подпорки.

— Вероятно. Здесь есть знак исходной книги: две черты и точка. Какой номер был на ожоге?

— Номера не было. Только «Общий запас».

— Значит, номер спрятан в форме насечек. Семь коротких и одна длинная, говорила ты?

— Да.

Мара взяла семь узких полосок бумаги и одну широкую. Разложила их в ряд, потом переставила широкую сначала в начало, затем в середину.

— Это не счёт лет. Точнее, не только счёт. Так обозначают полку и книгу. Семь — ряд, длинная — разделитель. Но без порядка не прочитать.

— Лис сказал, что насечки появлялись по одной после провалов.

— Каждая новая насечка могла одновременно быть платой и адресом следующей записи.

Система переписывает собственный путь на коже дарителя.

Вета почувствовала холод, хотя лампы нагрели комнату.

— Тогда его ожог — список дорог?

— Или список книг, где его имя стало доступно. Нужно увидеть сам знак.

— Он не придёт к цеховому писарю.

— Я больше не цеховой писарь.

— Для него это будет различием на бумаге.

Мара приняла укол.

— Тогда сделай точный рисунок. Без подсказывающих вопросов. Пусть сам отметит, что изменилось и когда.

Вета сложила отпечаток, но Мара удержала край.

— Мы не закончили.

Она перевернула лист. Подсвеченные вмятины сложились иначе. С обратной стороны между именами проступало ещё одно повторяющееся слово.

— «Голос», — прочитала Вета.

— Не слово. Ссылка. Каждому имени назначен голос — человек, чья просьба запускает списание.

— На мосту Тарен сам сказал «Держи».

— Он был голосом, но не обязательно плательщиком. На этой скобе голосом мог стать любой, кто произнесёт основное слово рядом.

— Водоносы просили воду подняться.

Мара замерла.

— Где?

Вета достала жалобу Ораста. Двенадцать имён, общий знак колодца, отметка о потерянной дороге. Мара прочитала лист дважды.

— Кто получил заявку?

— После моего отстранения — другой охотник. Я не знаю кто.

— Колодезные слова короткие. «Поднимись», «дай», «иди сюда». Их произносят каждый день десятки людей.

— И каждый раз кто-то забывает дорогу.

— Не обязательно тот, кто просит. Если под желобом есть строка с именами, голос лишь открывает её.

Вета встала.

— Идём.

— Сейчас у колодца будет цех.

— Тем более.

— Тебя задержат до совета.

— Тогда ты пройдёшь одна.

— Меня знают не хуже.

— Что предлагаешь?

Мара сняла с занавески две булавки. Ткань опустилась, закрыв окно. Потом подошла к шкафу и достала серый передник переплётчицы.

— Предлагаю не выглядеть людьми, которые идут разоблачать старшего цеха.

Через полчаса они спускались к Нижнему уступу с корзиной испорченных книжных обрезков. Мара надела передник и платок. Вета несла свёрток на больном плече и старалась не хромать. Камертон лежал на дне корзины под бумагой.

У грузовой дороги ещё разбирали завал. Стражи проверяли каждого, кто шёл вниз, но переплётные обрезки были обычным товаром: ими затыкали щели, растапливали печи, оборачивали мыло. Один страж ткнул в корзину копьём и пропустил их.

— Это твой лучший способ скрываться? — шепнула Вета.

— Нет. Лучший — иметь разрешение. Но его ты уже попробовала.

Колодец стоял на площади между прачечной и складом кожи. Он был глубже старых водосборов: круглая шахта уходила в природную трещину, где даже в сухой месяц держалась вода. Над ней поставили колесо с двенадцатью рукоятями. Обычно четверо вращали его и поднимали тяжёлую бадью. Сегодня рукояти были привязаны, а вода текла сама по желобу тонкой непрерывной струёй.

Вокруг натянули цеховую верёвку. За ней работал Кел Жар. Он прикладывал серебряную иглу к каменному борту, а молодой писарь записывал показания. Рядом стояли водоносы и спорили со стражем.

— Мы не просили закрывать воду, — говорила женщина с красным коромыслом. — Просили проверить.

— Проверка идёт.

— Пока вы проверяете, дубильщики забрали весь канал.

Кел поднял руку.

— Тихо. Сейчас повторим явление. Кто подавал первую жалобу?

Вперёд вышел сухой старик.

— Я.

— Встань у желоба. Скажи обычную просьбу.

— Не буду.

— Почему?

— Вчера сказал. Потом три часа искал собственный дом.

— Ты живёшь на новом месте?

— Сорок один год на одном.

Кел раздражённо повернулся к толпе.

— Нужен доброволец. Без повторения нельзя отделить чудо от страха.

Никто не двинулся.

Тогда молодой писарь отложил доску.

— Я скажу.

— Не надо, — произнесла Вета.

Несколько голов повернулись. Кел узнал её сразу.

— Орс. Я предупреждал.

Она поставила корзину на землю.

— Ты собираешься открыть слово голосом человека, чьё имя может быть в строке.

— Мы осмотрели борт. Имен нет.

— С обратной стороны смотрел?

— У колодца нет обратной стороны.

Мара сняла платок.

— У записи всегда есть.

Кел побледнел не от страха, а от злости.

— Писарь Вель. Это цеховая проверка.

— Тогда покажи книгу установки.

— Она в архиве.

— Покажи копию клятвы.

— Знак старый. Копия не требуется для обычного осмотра.

— Значит, ты предлагаешь мальчику произнести слово, не зная, кому оно выставит цену.

Молодой писарь медленно отступил от желоба.

Кел посмотрел на собравшихся. После обвала слух об открытой цене Дорна уже дошёл сюда. Слова Мары поняли не все, но никто больше не хотел становиться добровольцем.

— Хорошо, — сказал он. — Осмотрим основание.

— Без голоса, — потребовала Вета.

— Ты здесь никто.

— Тогда скажи это им.

Она указала на водоносов. Женщина с красным коромыслом шагнула к верёвке.

— Для неё, может, никто. Для нас она та, кто спросила цену.

Кел велел стражам отвести людей. Те не торопились. Никому не хотелось применять силу возле воды, от которой зависел весь уступ.

Основание колодца закрывали четыре каменные плиты. На каждой был вырезан желоб. Кел уже проверил три. Четвёртая уходила под деревянный настил прачечной. Чтобы поднять её, пришлось снять две доски и вычерпать грязь из шва.

Под плитой обнаружилась железная полоса.

Крупно на ней было выбито: «Поднимись к просящему».

Мелкой строки не было видно.

Мара попросила масло. Прачка принесла чашку, не задавая вопросов. Писарь размазала каплю по железу, потом прижала сверху обрезок бумаги и прогладила костяной ручкой. Масло прошло в глубокие буквы, а тонкие царапины остались сухими. На листе появилась белая сетка.

Имена шли по кругу вокруг основного слова.

— Сколько? — спросила женщина с коромыслом.

Мара считала молча.

— Сорок восемь.

Толпа загудела.

— Моё есть? — крикнул кто-то.

— Читайте!

— Покажите нам!

Кел попытался накрыть лист ладонью. Мара отёрнула его.

— Это улика.

— Именно поэтому она должна быть в цехе.

— Сделаем копии при свидетелях.

Вета достала из корзины бумажные обрезки. Мара взглянула на неё и усмехнулась: маскировка неожиданно стала запасом для доказательств.

Они сделали шесть оттисков. Каждый водонос получил возможность прочитать список. В нём нашлось имя старика, забывшего дом, и имя женщины с красным коромыслом. Лиса не было.

Зато рядом с каждым именем стоял тот же знак переноса: две черты и точка.

— Они пришли из одной книги, — сказала Мара Вете.

— Седьмой ряд?

— Нет. Этот — третий. Значит, общий запас разделён по уступам или по видам дорог.

Кел услышал.

— Вы строите догадки на служебных метках.

— Тогда объясни их сам, — сказала Мара.

— В архиве.

— Удобное место для объяснений. Никто, кроме Савена, туда не входит.

Железная полоса дрогнула. Кто-то в толпе произнёс: «Пусть вода поднимется», то ли насмешливо, то ли не понимая опасности.

Колодец ответил плеском.

Вода рванулась вверх по шахте. Колесо завертелось само, связанные рукояти натянули верёвку. Мара отскочила. Кел схватился за край плиты.

Камертон в корзине завизжал.

По кругу имён побежал синий свет. Он перескакивал с одного на другое, выбирая доступное. Остановился на строке женщины с красным коромыслом.

— Закройте имя! — крикнула Вета.

У неё не было проволоки. Она выхватила из занавесочного свёртка медную булавку Мары, разогнула и вбила поперёк строки рукоятью ножа. Свет отступил, перескочил на следующее имя.

Мара поняла быстрее остальных. Вторую булавку она поставила на знак переноса, соединявший весь круг с основной клятвой.

— Цена не названа, — сказала Вета. — Голос не согласен. Имена не принадлежат просьбе. Подъём прекратить.

Вода ударила о край, облила их с ног до головы. Колесо сделало ещё один оборот и встало. Женщина с коромыслом прижала руки к груди.

— Что я потеряла?

— Пока не знаю, — честно ответила Вета. — Возможно, ничего. Мы закрыли строку быстро.

— «Возможно» мне не подходит.

— Мне тоже. Не позволяй никому задавать тебе список вопросов. Запиши сама, что помнишь до этого мгновения. Потом сравнишь с близкими.

Кел смотрел на погнутые булавки.

— Вы повредили действующий знак.

— Мы остановили кражу, — сказала Мара.

— Теперь вода не поднимется.

Старик у верёвки взялся за рукоять колеса.

— Сорок лет поднимали руками. Ещё поднимем.

К нему подошли двое. Они развязали рукояти, проверили канат и начали вращать колесо. Бадья пошла вниз. Медленно, с привычным скрипом, без синего света.

Кел не мог объявить это поломкой перед людьми, которые уже получали воду.

Мара сняла мокрый передник. Белая рубаша прилипла к плечам, чернильное пятно расплылось.

— Теперь ты обвиняешь меня точнее? — спросила она у Веты.

— Да.

— За что?

— За то, что знала, как устроена мелкая строка, и решила, будто уход с должности закроет её.

Мара кивнула.

— Справедливо.

— И за то, что ты единственный человек, который может прочесть её быстрее Савена.

— Это уже не обвинение.

— Пока не знаю.

Мара посмотрела на неё, и уголок её рта дрогнул. Не улыбка, скорее признание равного недоверия.

Они ушли до того, как Кел придумал законный повод задержать их. Один отпечаток остался у водоносов, второй взял городской страж, третий — молодой писарь Кела, настояв, что приложит его к открытой записи. Ещё три Мара спрятала между слоями мокрого передника.

На подъёме к Среднему уступу Вета остановилась перевести дыхание.

— Ты сказала, что исходную черту подписи хранят в основной книге.

— Да.

— Значит, чтобы убрать имя Лиса со всех дорог, недостаточно разбить отдельные скобы.

— Нужно найти его запись в общем запасе и закрыть право переноса.

— Где книга?

— В нижнем архиве цеха. За стеной зала испытаний.

— Я работала там семнадцать лет и не видела двери.

— Потому что дверь выглядит как шкаф с браком.

Вета вспомнила кабинет Савена, журналы из чёрной кожи и три пластины над шкафом. Вспомнила, как он положил пальцы на её знак и сказал, что дорога важнее одного охотника.

— Ты войдёшь со мной?

Мара не ответила сразу.

Внизу скрипело колодезное колесо. Люди поднимали воду собственными руками. Работа была тяжёлой, медленной и совершенно обычной.

— Войду, — сказала она. — Но сначала составим карту. Одна книга ничего не докажет, если Савен успеет назвать её ошибкой писаря.

— Карта чего?

— Всех подтверждённых чудес на семи уступах. И всех людей, которые рядом с ними теряли годы.

Вета подумала о жалобах Ораста: лестница, зерновой подъёмник, старый карьер. О восемнадцати именах на скобе и сорока восемью у колодца. О насечках на коже Лиса, которые могли быть адресами, а не просто счётом.

Мелкая строка была мала только для глаза. По городу она тянулась от дороги к дороге, достаточно длинная, чтобы связать все семь уступов.

Глава 6. Семь уступов

Карту пришлось чертить на обороте старого плана водостоков.

Другого листа, достаточно большого для всей Арды, у Мары не нашлось. Они сдвинули к стене лампу, прижали углы медными грузиками и разложили вокруг жалобы Ораста, отпечатки колодезной скобы и два дорожных журнала, которые Мара имела право хранить после ухода из цеха.

На плане было семь неровных площадок, соединённых лестницами, мостами и узкими дорогами. Верхний уступ помещался возле локтя Веты, Нижний — у края стола. Между ними извивалась Главная тропа. На бумаге путь казался коротким. В жизни человек тратил полдня, чтобы подняться с рынка к цеху, и ещё дольше, если грузовые клетки стояли.

— Не ставь кресты, — сказала Вета.

Мара держала перо над колодцем.

— Почему?

— Крест означает погибших. Мы пока не знаем, сколько здесь потеряно.

— Тогда что?

Вета положила рядом семь камешков, которыми обычно проверяла вес фальшивых талисманов.

— Один круг — подтверждённое чудо. Черта — жалоба на память. Имя пишем только с разрешения человека. Если разрешения нет, ставим пустую черту.

— Ты хочешь собрать доказательство или сохранить всем достоинство?

— Если ради доказательства мы сделаем людей строками в своей книге, то чем наша книга лучше цеховой?

Мара посмотрела на сорок восемь имён, снятых со скобы у колодца.

— Справедливо.

Первый круг появился на Нижнем уступе. Рядом Мара провела одиннадцать коротких черт: столько жалоб Ораст получил за последние два месяца. Потом круг у грузовой дороги и четыре черты. Ещё один — у старого карьера, где каменная стенка не осыпалась третий год, хотя подпорки сгнили. Жалоб оттуда не было.

— Или никто не жаловался, — сказала Вета.

— Это не одно и то же.

— Именно.

Они работали до глубокой ночи. На Среднем уступе нашлись зерновой подъёмник, лестница к красильням и арка над площадью. На Медном — воздухоудные мехи кузнецов и водосборная стена. На Садовом — три оросительных желоба. На Западном — сторожевая дорога и две подпорки. На Высоком — больничная лестница, которая сама выравнивала ступени после мороза. На Верхнем кругов оказалось меньше всего: цеховой зал испытаний, ворота совета и башенная площадка.

К рассвету на плане было двадцать шесть кругов и семьдесят три черты.

Мара отложила перо.

— Этого достаточно, чтобы потребовать разбирательство.

— Нет.

— Семьдесят три жалобы.

— Семьдесят три рассказа на бумаге у бывшего цехового писаря и отстранённой охотницы. Савен скажет, что Ораст собирал любые забытые ключи и лица, а мы соединили их с дорогами.

— Значит, нужны люди.

— И проверка каждого знака.

Мара устало рассмеялась.

— На это уйдёт месяц.

— Если пойдём вдвоём. Если нас будет больше — три дня.

— Кого ты позовёшь? Твой знак у Савена. Мой доступ в архив закрыт. Ораст не умеет читать дорожную резьбу.

Вета посмотрела на пустое место в центре плана, где сходились линии мостов.

— Лиса.

Домой она пришла, когда Рина уже ставила тесто. Мать не спросила, где Вета провела ночь. Она только поставила перед ней миску каши и подвинула солонку, как делала после всякой тяжёлой проверки. Этот жест сохранился у неё лучше многих слов.

Лис сидел у окна и обтачивал деревянную рукоять для молотка. На столе лежали три готовые рукояти, каждая с другим изгибом. Он пробовал их в ладони, будто выбирал не дерево, а продолжение руки.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала Вета.

— С мостом?

— С картой.

Он не спросил какой. Стружка перестала падать на пол.

Рина поставила миску громче, чем требовалось.

— Пусть сначала поест.

— Мама, я говорю с Лисом.

— А я говорю с тобой.

Вета послушалась. Пока она ела, Лис продолжал строгать, но теперь лезвие снимало неровные, слишком толстые полосы.

— Мы нашли имена у колодца, — сказала Вета. — Сорок восемь. Твоего там нет.

— Поздравляю моё имя.

— Мара думает, что общий запас разбит по книгам. Насечки на твоём ожоге могут показывать, где использовали запись.

— И ты хочешь снова его срисовать.

— Нет. Я хочу, чтобы ты сам решил, что можно записать и кому показать.

Лис положил нож.

— Это новая часть ремесла охотника? Спрашивать владельца имени?

— Похоже, самая трудная.

Рина отвернулась к печи, но Вета видела, как мать сжала край передника.

Лис расстегнул ворот рубахи. Бледный ожог начинался у ключицы и уходил к плечу. За последние дни на нём не появилось новой насечки. Семь коротких полос и одна длинная оставались прежними.

— Я пойду с вами, — сказал он. — Но будут правила.

— Назови.

— Не спрашивать меня, помню ли я то, что, по-вашему, должен помнить. Не говорить обо мне при мне так, будто я пустой мешок. Не давать Маре касаться знака без моего разрешения. И если найдём человека с такими же потерями, сначала объясним, что ищем, а потом зададим вопросы.

— Согласна.

— И ещё. Я не только этот ожог. Я знаю все мосты между уступами, старые подпорки и обходы. Если берёте меня, то как мостовщика.

— Как мостовщика.

— Тогда после завтрака.

— Сейчас.

Лис взглянул на серое окно.

— После завтрака, Вета. Мир не рухнет, если ты доешь кашу.

На Нижний уступ они спустились втроём. Мара принесла сложенный план, коробку угля и медные полоски. Лис — молоток, отвес и моток тонкой верёвки. Вета взяла отцовский камертон. Цеховой сумки у неё больше не было, и инструменты пришлось завернуть в старый плащ.

У колодца ручное колесо крутили четверо. Женщина с красным коромыслом узнала Вету и подошла сама.

— Я всё записала, — сказала она. — Вчера вечером сравнила с сестрой. Помню её свадьбу, помню рождение племянника. Не помню, как мы нашли комнату после пожара. Сестра говорит, мы жили там вместе четыре года.

— Можно записать твоё имя? — спросила Вета.

Женщина помедлила.

— Для совета?

— Для карты. Копию увидят только те, кого ты разрешишь. Совет — если сама согласишься свидетельствовать.

— Меня зовут Нела Сой.

Мара записала имя рядом с одной чертой и добавила: «четыре общих года с сестрой, обнаружено после запуска колодца». Нела прочитала запись и потребовала заменить «потеряно» на «не помнит».

— Потеряно звучит так, будто точно не вернётся, — сказала она. — Я пока не разрешала вам это решать.

Мара исправила.

Старик у колеса представился Бером. Он забыл дорогу к дому, в котором прожил двадцать два года, но помнил каждую трещину внутри. Теперь ему приходилось идти за соседями. Под скобой у колодца его имя стояло шестым.

— Чудо поставили прошлой осенью, — сказал Бер. — До этого я не блуждал.

— Сколько раз знак поднимал воду? — спросил Лис.

— Сначала только ночью, когда людей мало. Потом каждый день.

— Кто обслуживал колесо?

— Цех присылал мальчишку раз в десять дней. Проверял желоб, менял синюю нить.

Лис лёг на камни и заглянул под настил.

— Здесь была ещё одна скоба.

Вета опустила руку рядом. На нижней балке остались четыре свежих отверстия и синеватый след вокруг них.

— Её сняли вчера, — сказал Лис. — Дерево под шайбой сухое, а рядом мокрое.

— После того как мы закрыли знак.

— Значит, кто-то пришёл раньше нас и забрал часть записи.

Мара отметила на плане не круг, а полукруг.

— Неполное чудо, неполная улика.

От колодца они пошли к старому карьере. Дорога вилась между домами, где стены подпирали кривыми брёвнами. Над крышами висела каменная губа, сероватая, с белыми прожилками. Под ней работали каменотёсы. Каждый удар кирки отдавался в груди.

Карьерную стенку держали три толстые скобы с крупным словом «Спи». Вета ударила камертоном. Звук вернулся чистый и низкий, без дрожи, которая сопровождала активное удержание.

— Не действует, — сказала она.

— А стена не падает, — заметила Мара.

Лис прошёл вдоль основания, разгребая щебень сапогом. За скобами обнаружились новые каменные зубья, вбитые в природные трещины, и дренажная канавка.

— Её укрепили руками, — сказал он. — Хорошо укрепили. Скобы оставили для вида.

Начальница карьера, широкоплечая женщина по имени Гара, выслушала их и сплюнула в пыль.

— Савен подтвердил чудо три года назад. За подтверждение мы платим каждый сезон.

— Кто ставил зубья? — спросил Лис.

— Мы. После того как первый знак треснул.

— Цех знает?

— Они велели не снимать скобы. Сказали, слово любит поддержку рук.

Вета постучала по металлу. Под слоем извести обнаружилось цеховое клеймо, но мелкой строки не было.

— Здесь подделка другого рода, — сказала она. — Чуда нет, а плату за него берут.

— Значит, безопасно? — спросила Гара.

— Пока дренаж чист и зубья целы. Осмотреть должен мостовщик или каменный мастер, не охотник.

Лис уже полз вдоль канавки.

— Один сток забит. Если пойдёт дождь, вода выдавит нижний зуб.

Гара позвала рабочих. Через несколько минут двое выгребали из канавы глину. На карте рядом с карьером появился пустой круг: подтверждённое цехом чудо без магии. Вета впервые увидела, как два вида обмана держатся рядом. В одном цех крал память ради настоящего удержания. В другом продавал имя чуда там, где людей спасала их собственная работа.

— Савен скажет, что плата за надзор, — заметила Мара.

— Пусть скажет это Гаре, — ответила Вета.

На Среднем уступе зерновой подъёмник стоял между двумя складами. Большая корзина сама поднималась по наклонным рельсам, если приказчик произносил вес груза. Слово было удобным: один человек управлял работой, для которой прежде требовались шестеро.

Приказчик отказался их пускать.

— Есть цеховая печать. Действует до весны.

— В журнале Ораста три жалобы, — сказала Вета. — Рабочие забывали имена своих детей после смены.

— Люди пьют маковую настойку от спины. От неё всякое бывает.

Из склада вышел худой грузчик. Услышав разговор, он остановился.

— Покажите нижнюю направляющую, — попросил Лис. — Если там нет ничего, мы уйдём.

— Ты кто?

— Мостовщик.

— Здесь не мост.

— Рельс тоже должен держать вес.

Приказчик согласился только после того, как грузчик и ещё двое рабочих встали рядом. Под нижней направляющей Лис нашёл медную пластину. Достать её можно было, лишь опустив пустую корзину и сняв стопор.

Вета ударила камертоном. На слове «сорок» металл отозвался двумя голосами: высокий шёл от верхней скобы, низкий — из-под рельса.

— Не называйте вес, — сказала она.

Приказчик побледнел.

— Без веса корзина не двинется.

— Пока не двинется.

Они сняли стопор. Лис вытащил пластину щипцами. На ней было девять имён и одно пустое место, заранее обведённое мелкой строкой. Среди имён стоял Бер с Нижнего уступа.

— Он никогда здесь не работал, — сказал грузчик.

— Его имя перенесли, — объяснила Мара.

Одного из рабочих звали Мик. Он разрешил записать, что после трёх месяцев у подъёмника перестал узнавать двор детства. Другой, Ойен, помнил дочерей, но не мог различить, какая из них старшая, хотя между ними было пять лет. Третий не захотел называть ни имя, ни потерю.

— Я дам вам черту, — сказал он. — Только черту. Если совет увидит имя, хозяин выгонит меня раньше, чем цех признает хоть что-нибудь.

На карте появилась первая черта, поставленная по прямой просьбе безымянного человека. Вета смотрела на неё дольше, чем на остальные.

Подъёмник остановили. Приказчик ругался, что зерно отсыреет, пока найдут людей для ворот. Лис осмотрел передачу и показал, как вернуть снятые рукояти. Их обнаружили в сарае под старой рогожей. Четверо грузчиков подняли первую корзину руками. Медленнее, чем чудом, но зерно не осталось под дождём.

— Каждый знак заменял не только работу, — сказал Лис, когда они вышли. — Он позволял забыть, как устроена вещь. Ещё год, и никто бы не знал, куда вставлять рукояти.

— Цех делал людей зависимыми, — сказала Мара.

— Нет. Люди сами выбирали удобство. Цех скрывал цену и убирал запасной способ. Не смешивай одно с другим.

Мара кивнула и записала его слова на краю плана.

К вечеру они добрались до лестницы красильщиков. Там чудо якобы не давало ступеням обледенеть. Синяя краска стекала по желобам, воздух пах уксусом и мокрой шерстью. Две женщины скребли камень солью.

— Знак работает через раз, — сказала старшая. — Когда работает, потом кто-нибудь теряется в собственном квартале.

Под шестой ступенью нашли кость с вырезанными именами. Все семь были стёрты до половины. Мара смогла прочитать только два. Одно принадлежало Неле Сой.

— Она с Нижнего уступа, — сказала Вета.

Лис показал на длинную насечку возле края кости.

— Такая же форма, как у меня.

Он не расстегнул ворот. Не предложил сравнить. Просто нарисовал насечку сам, на отдельном клочке, и положил рядом. Мара спросила глазами разрешения. Лис кивнул.

Линии совпали.

— Длинная насечка означает Средний уступ, — сказала Мара. — Короткие могут считать срабатывания внутри книги.

— Семь коротких, — произнесла Вета. — Семь списаний.

— Я знаю, сколько их, — резко ответил Лис.

Она замолчала.

— Прости.

— Не считай вслух то, что носит другой человек.

Они закрыли кость медной полоской, но снимать её не стали: слишком много людей ходило по лестнице, и неизвестно было, что держит скрытая запись кроме сухости ступеней. Красильщицы согласились посыпать камень солью и не произносить привычную фразу «грейтесь, ступени».

Ночевали они в пустой мастерской Дорна на Медном уступе. Сам Дорн оставался внизу, разбирал повреждённый мост. На стенах висели шаблоны креплений, а под потолком сохли верёвки. Лис разжёг печь и достал хлеб.

Мара развернула карту. За день число кругов не изменилось, зато у пяти из них появились имена, точные потери и устройство скрытых записей. Пунктирная линия переноса шла от колодца к подъёмнику, от подъёмника к лестнице и дальше, к Садовому уступу.

— Это одна сеть, — сказала она. — Не отдельные злоупотребления.

— Пока три связанных места, — поправила Вета.

— Ты всё ещё защищаешь Савена?

— Я защищаю доказательство от нашего желания закончить его раньше времени.

Лис протянул руки к печи.

— А меня кто-нибудь спросит, что означает сеть для тех, чьи имена внутри?

Мара подвинула ему карту.

— Спрашиваю.

— Она означает, что нельзя просто вырвать главную книгу. Если исчезнет запись, мы не узнаем, где наши имена работали и что забрали. Сначала нужны копии.

Вета подумала о нижнем архиве и своём первом желании разрезать строку Лиса.

— А пока копируем, списания продолжатся.

— Значит, закрываем места по одному и оставляем обычный способ работы. Как у колодца и подъёмника.

— На всех семи уступах не успеем.

— Тогда выбираем не самые громкие чудеса, а те, где чаще произносят голос.

Мара нашла в журналах пометки. У зернового подъёмника команда звучала десятки раз в день. У больничной лестницы — после каждого мороза. У ворот совета — дважды в год.

— Лис прав, — сказала она. — Частота важнее размера.

Они составили путь на завтра: три оросительных желоба Садового уступа, кузнечные мехи на Медном и больничная лестница на Высоком. Западный оставили на третий день.

Утром у кузнецов их встретили не жалобами, а смехом. Мехи дышали сами, пока мастер говорил: «Жарь». Подмастерья уверяли, что никто ничего не забывает.

Вета проверила кожаные складки, груз и педаль. Чудо оказалось ловкой системой противовесов. Слово освобождало защёлку, а дальше мехи качал падающий груз.

— Подделка, — сказала она.

Кузнец нахмурился.

— Работает же.

— Работает. Только без памяти и без магии. Это хорошая машина.

— Цех взял с меня плату за чудо.

— А тот, кто сделал противовес?

— Получил обычную подённую монету.

Лис улыбнулся впервые за два дня.

— Оставьте всё как есть. Только больше не платите за слово и смазывайте ось.

На карте появился второй пустой круг. Рядом Мара написала имя механика, которое кузнец вспомнил не сразу: Аса Клем. Не жертва, а человек, чью работу спрятали под цеховой печатью.

Садовый уступ встретил их запахом мокрой земли. Здесь дома стояли реже, между ними тянулись грядки и низкие плодовые деревья. Вода шла по каменным желобам от верхнего сборника. У каждого ответвления было слово: «налево», «тише», «дальше».

Садовница по имени Тая показала им пустой дом.

— Здесь жил мой брат, — сказала она. — В прошлом году ушёл на Западный уступ и не вернулся.

— Погиб? — спросила Мара.

— Нет. Пришло письмо. Пишет, что никогда здесь не жил. Думает, я обманываю ради наследства.

Его имя нашли на всех трёх желобах.

— Сколько лет он работал с водой? — спросила Вета.

— Двенадцать.

— Когда начал забывать?

— Сначала перепутал деревья, которые сам сажал. Потом не узнал комнату. После сказал, что я не сестра.

Тая вынесла коробку писем. В первых брат писал о саде, в поздних спрашивал, откуда она знает его детские прозвища. Это были не рассказы со слов близких, а след, оставленный самим человеком до потери. Мара сняла копии с дат.

Желоба нельзя было просто закрыть: без воды погиб бы осенний посев. Лис поднялся к сборнику и обнаружил старые деревянные заслонки, закреплённые у стены.

— Ими пользовались до слов, — сказала Тая. — Нужно шесть человек, чтобы менять поток.

— Соберите восемь, — ответил Лис. — Двое будут отдыхать.

Они закрыли медными полосками имена и вернули заслонки. Дерево разбухло, одна ручка сломалась, но к полудню вода пошла в левый желоб без единого произнесённого слова.

На Высоком уступе Вета едва поднимала ноги. Больничная лестница оказалась короткой — двенадцать ступеней между приёмным двором и палатами. Края камня были гладкими от тысяч шагов.

Служительница сказала, что чудо поставили после зимы, когда трое больных упали на лёду. С тех пор лёд отступал, стоило произнести: «Ступень, прими».

— Кто говорит? — спросила Вета.

— Тот, кто ведёт больного.

— Имена где?

— Какие имена?

Пластину нашли в поручне. На ней значились люди, лечившиеся в больнице и оставившие подписи в книге приёма. Среди них были дети, старики и те, кто не мог знать о дорожном слове.

Вета почувствовала, как Мара рядом перестала дышать.

— Исходные черты брали из больничной книги, — сказала она.

Служительница закрыла рот рукой.

— Мы просили их расписываться за еду и место.

— Вы не знали, — сказал Лис.

— Но я говорила это слово каждое утро.

— Голос не платит, если его имени нет в строке.

Утешение прозвучало страшнее обвинения. Женщина запускала чужую потерю, оставаясь целой.

В списке было сто двенадцать имён. Некоторые повторялись на обороте. Вета не стала просить Мару читать все. Они сделали оттиск, закрыли право переноса и посыпали лестницу золой. Больница наняла двух людей скалывать лёд до установки навеса.

Когда они вышли, на площадке их ждал Кел Жар с четырьмя цеховыми стражами.

— Савен Рог требует вернуть украденные записи, — сказал он.

— Мы ничего не крали, — ответила Вета. — Копии сделаны при свидетелях.

— Вы повредили шесть действующих знаков.

— И вернули шесть обычных способов работы.

Кел посмотрел на свёрнутую карту под рукой Мары.

— Отдайте это.

Лис шагнул между ними.

— Там сведения о моей памяти.

— Цех разберётся.

— Уже разобрался. Семью я забыл, а дорога стоит.

Стражи не двинулись. Больничная служительница вышла на верхнюю ступень, за ней появились двое санитаров. Садовники, пришедшие за лекарствами, узнали Вету и остановились у края площадки. Свидетелей становилось больше.

Кел понизил голос.

— Вы не понимаете, что делаете. Если люди начнут закрывать знаки, первый снег убьёт больше, чем ваши списки.

— Тогда цех должен назвать цену вслух, — сказала Вета.

— Цену называют тем, кто способен её вынести.

— Нет. Её называют тому, кто платит.

Кел посмотрел на неё почти с жалостью.

— Савен даст вам до завтрашнего полудня. После этого объявит карту поддельной, а вас — разрушителями дорог.

— Откуда он знает о карте? — спросила Мара.

Кел не ответил. Развернулся, и стражи ушли за ним.

Только когда они скрылись на лестнице, Мара проверила свёрток. Печать на нём была цела.

— Кто-то из тех, с кем мы говорили, сообщил цеху, — сказала она.

— Или нас вели от колодца, — ответила Вета.

Лис смотрел не вслед стражам, а на план.

— Он сказал «ваши списки». Значит, Савен не может отрицать сами имена. Он будет спорить о связи потерь со знаками.

— Для этого нужен общий архив, — сказала Мара.

— И ещё один день, — возразила Вета. — Мы не проверили Западный уступ.

До темноты они поднялись на пустую смотровую площадку. Отсюда вся Арда лежала уступами, будто гигантская лестница. Внизу мерцали огни колодца. Выше темнели склады, кузницы, сады, больница и цеховая башня. Между ними тянулись мосты, дороги, лестницы и водные желоба.

Мара развернула карту на каменном парапете. Ветер пытался вырвать её из рук.

Теперь пунктирные линии связывали пять уступов. Двадцать шесть кругов уже не казались отдельными точками. Они складывались в одну систему, где чужое имя могло пройти от больничной книги к лестнице, от колодца к подъёмнику, от сада к подпорке. Пустые круги показывали другую часть той же власти: цех называл чудом всякую полезную работу, чтобы только он один решал, чему люди обязаны безопасностью.

Лис положил палец на Западный уступ.

— Здесь северная подпорка. С неё взяли мою исходную запись.

— Завтра пойдём туда, — сказала Вета.

— Нет. Сегодня ночью войдём в архив.

Она ожидала этих слов от себя, но не от него.

— Ты только что говорил, что сначала нужны копии.

— У нас есть карта пяти уступов, письма Таи, список больницы, свидетельства рабочих и совпавшие метки переноса. Савен знает, что мы ищем. До завтра он вынесет общую книгу.

Мара прижала ладонью край плана.

— Шкаф брака открывается из зала испытаний. Ночью там один сторож.

— Нет, — сказала Вета Лису. — Ты останешься с картой.

— Потому что я мостовщик или потому что я твой брат?

Вета хотела ответить сразу и не смогла.

— Потому что карта важнее архива. Без неё найденную книгу назовут ошибкой. И потому что ты лучше нас знаешь, как уйти с Верхнего уступа, если закроют клетки.

Лис обдумал это и кивнул.

— Тогда я буду ждать у старого подвесного моста. Если услышишь два удара по нижней цепи, северная лестница перекрыта. Три — цеховые идут к мосту. Не геройствуй, Вета.

— Я никогда.

Он посмотрел на её перевязанное плечо.

— Конечно.

Вета свернула карту. Внутри оказались двадцать шесть чудес, сотни имён и белые места, где люди ещё не решились назвать потерю. Семь уступов прежде были для неё рабочими участками: каждый со своим мастером, печатью и дорогой. Теперь она видела другое. Цех не просто держал отдельные камни. Он протянул мелкую строку через всю Арду и сделал так, что ни один человек не мог узнать, где прозвучит его имя в следующий раз.

До полуночи оставалось четыре часа.

Глава 7. Цена проверки

Ночью цех казался меньше.

Днём к его дверям сходились просители, мастера, проверяющие и торговцы разрешениями. Высокие окна отражали площадь, медный знак над входом сверкал даже в пасмурный день. Теперь башня была просто тёмным домом, прижавшимся к скале. Свет горел только в караульной и в верхнем кабинете Савена.

— Он не ушёл, — шепнула Вета.

— Он редко уходит перед зимним караваном, — ответила Мара. — Подписывает дороги.

Они лежали за каменным парапетом напротив служебного двора. До полуночи оставалось меньше часа. Старый подвесной мост темнел ниже. Там ждал Лис с картой.

Мара достала из кармана два серых передника.

— Опять переплётчицы?

— Нет. Ночные уборщицы.

— У них есть ключи?

— У них есть ведра. Людей с ведрами редко останавливают.

В сарае за прачечной они взяли коромысло и две пустые кадки. Мара положила на дно одной медные полоски, уголь и сложенную бумагу. Вета спрятала камертон за поясом.

Калитку открыл сонный сторож. Он посмотрел на пустые кадки.

— Воду забыли?

— В нижнем коридоре течь, — сказала Мара. — Велели сначала подставить, потом принести воду.

Сторож выругал хозяйственного мастера и пропустил их. Ложь была достаточно скучной, чтобы звучать правдой.

Внутри пахло воском, железом и пылью. Вета знала каждую ступень. Семнадцать лет она входила сюда с уверенностью, что цех отделяет настоящее чудо от жульничества. Теперь знакомые стены казались декорацией: крупные слова на виду, мелкая строка внутри.

Они дошли до зала испытаний. На столах лежали чужие талисманы, скобы и верёвочные обереги. У дальней стены стоял шкаф брака — широкий, низкий, забитый коробками.

Мара сняла три коробки с верхней полки и нащупала в дереве углубление.

— Нужна печать писаря.

— Твоя?

— Савен забрал её, когда я ушла.

Вета вынула медную полоску и приложила к скрытой щели.

— Дерево слушает слово или нажим?

— Нажим печати.

— Значит, ему всё равно, кто нажал.

Она сняла углём отпечаток с трёх служебных пластин над шкафом. На средней обнаружилась вмятина старой писарской печати. Мара вырезала форму ножом на мягкой меди, сложила полоску вчетверо и надавила.

Внутри шкафа щёлкнуло.

Он не отодвинулся, а повернулся вокруг левого края. За ним открылась узкая лестница вниз.

— Ты знала, что так можно? — спросила Мара.

— Нет. Но слишком много подделок открываются чужим знаком.

Нижний архив оказался сухим и тёплым. По стенам шли трубы от цеховой печи. На полках стояли книги одинакового размера, в чёрной коже, с медными углами. Их были сотни.

На корешках значились уступ, год и вид удержания. Мара сразу нашла седьмой ряд.

— Северные дороги, — сказала она. — Вот разделитель.

Книга общего запаса лежала не на полке. На её месте остался светлый прямоугольник в пыли.

— Опоздали.

Вета коснулась дерева. Пыль у края была смазана совсем недавно.

— Кел предупредил его после больницы.

Мара проверила соседние книги.

— Здесь указатели переносов. Если исходную вынесли, можно проследить хотя бы назначения.

Она раскрыла том Среднего уступа. Страницы были не бумажные, а тонкие пластины сланца. На каждой вырезано крупное слово и десятки мелких имён. Мара клала сверху бумагу, Вета быстро водила углём. Зерновой подъёмник. Лестница красильщиков. Арка площади.

В книге Высокого уступа нашлась больничная лестница. Рядом с её страницей стояла красная насечка: «Сбор повышен до первого снега».

— Почему до снега? — спросила Вета.

— Чтобы наполнить запас перед зимними дорогами.

— Значит, больные платили не только за лестницу.

Мара перевернула пластину. На обороте было одно направление: «Северная подпорка, затем караванный карниз».

Караванный карниз шёл по внешней стороне Западного уступа. Каждый год по нему проводили зерно до того, как снег закрывал горы. Если карниз рушился, три верхних уступа оставались без муки.

— Зимний караван через шесть дней, — сказала Вета.

— И Савен собирает память со всей Арды, чтобы удержать один проход.

Из коридора донёсся скрип.

Они погасили лампу. Свет появился наверху лестницы. Кто-то открыл шкаф и медленно спускался.

Вета отступила между полками. Мара спрятала отпечатки под рубаху.

Савен вошёл один. В руке он держал лампу, под другой рукой — чёрную книгу с медными углами.

— Я ждал вас раньше, — сказал он.

Ни стражей, ни Кела за ним не было.

— Тогда зачем вынес книгу? — спросила Вета.

— Чтобы ты не разрезала запись, не поняв последствий.

Он положил том на стол, но руки не убрал.

— Общий запас? — спросила Мара.

— Ты узнаёшь собственную работу.

— Моя работа закончилась двадцать лет назад.

— Черта остаётся, даже если рука решила стать невиновной.

Мара побледнела, но не отступила.

— Покажи страницу Лиса Орс.

Савен посмотрел на Вету.

— Значит, всё-таки семья.

— Всегда была семья. Ты просто рассчитывал, что я назову её дорогой.

Он открыл книгу. На первой пластине стояли сотни исходных подписей. Некоторые были сняты с долговых расписок, больничных книг и заявок на работу. Другие сопровождались словами согласия. Между ними не было различий, понятных глазу.

Имя Лиса нашлось на шестой пластине. Рядом значилось: «Добровольное удержание северной подпорки, один день памяти». Ниже мелкая строка разрешала ежегодный сбор и перенос на любые дороги Западного круга. Ещё ниже семь отметок списания.

Восьмая была подготовлена, но не закрыта.

— Караванный карниз, — сказала Вета.

— Да.

— Ты собирался взять ещё год.

— Не я. Знак возьмёт доступную память, если карниз начнёт уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.